

Пикник на Млечном пути

Автор:

Ольга Володарская

Пикник на Млечном пути

Ольга Анатольевна Володарская

Дора Эленберг была деспотичной и вздорной хозяйкой популярного ночного клуба «Млечный путь». Все работники ее боялись, многие ненавидели, поэтому Дора не удивилась, когда получила письмо с угрозами. А вскоре госпожу Эленберг нашли мертвой в собственном кабинете...

В тот вечер в клубе произошло немало странного. Лариса встретила своего босса, переодетого женщиной. Успешный бизнесмен Александр не заключил выгодную сделку. А сын олигарха Ренат, лишенный наследства, безуспешно пытался найти золото семьи Эленберг, по преданию, спрятанное где-то в здании клуба...

Все эти люди стали подозреваемыми в убийстве Доры. Но ее смерть оказалась не последней...

Ольга Володарская

Пикник на Млечном пути

© Володарская О.Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

«Какофония»

Глава 1

«До»

Дора Эдуардовна Эленберг пила кофе из большой пузатой кружки, похожей на бульонницу. Возможно, это была именно бульонница. Капучино. С мини-Эверестом из пены и тремя ложками сахара.

Такого она не позволяла себе многие годы. Кофе не употребляла из-за повышенного давления, а сахар и сливки из-за склонности к полноте. Всю жизнь Дора с нею нещадно боролась, но побеждала не всегда.

Дора сделала очередной глоток капучино и зажмурилась от удовольствия. Какой же она душой была, отказывая себе в маленьких радостях. Но теперь можно себя побаловать. Потому что...

Ах, об этом лучше не думать сейчас! Просто наслаждаться вкусом кофе. Отдаться этому без остатка.

В дверь заколотили. Дора застонала:

– Только не сейчас...

– Дора Эдуардовна, можно? – раздалось из-за двери. Никто не смел заходить к ней в кабинет без разрешения, даже секретарь, или, по-современному, помощник руководителя. А это был именно он. Ренат. Этот парень единственный, кто выдержал испытательный срок в два месяца и теперь был

оформлен официально.

– Что еще? – гаркнула Дора.

– Вам посылка. Доставлена курьером только что.

Пузатая кружка дрогнула в руке. Не умеет Дора контролировать свои эмоции, уронила бы ее и разбила к чертовой матери.

– Заходи, – бросила она, поставив кружку. Капучино уже не хотелось. Во рту от него стояла горечь.

Дверь открылась. На пороге возник Ренат с коробкой. Дора, естественно, обратила внимание именно на коробку. Секретаря своего она видела много-много раз и знала, как он выглядит. А вот посылка...

Не первая, но последняя, должна быть какой-то особенной.

Ренат прошел к столу начальницы и положил на него неприметную картонную коробку, перевязанную кроваво-красной лентой. Госпожа Эленберг не любила этот цвет с детства. И была у нее на это причина.

Дора в детский сад не ходила, за ней присматривала бабушка, женщина не жадная, но прижимистая и экономная. Она считала, что тратить деньги на детские наряды глупо: ребенок из них слишком быстро вырастает, поэтому новогодний костюм снежинки для внучки она сшила сама, из марли. Поскольку этого добра в доме было навалом – мама Доры работала медсестрой, то наряд получился неплохой – с пышной юбкой и рукавами-фонариками. А когда к подолу и горловине пришили елочную мишуру, еще и засверкал. Девочка имела все шансы стать самой красивой снежинкой на новогодней елке. Возбужденная этим, она кружилась, танцевала, носилась по квартире и налетела на дверь. Ударилась больно, причем носом. Тут же хлынула кровь. И залила ее белоснежный наряд. Марля быстро пропиталась кровью, стала липнуть к телу. Доре сначала было жаль платье, потом ее обуял страх – показалось, что ее обволакивает какой-то кровавый кокон. Она от испуга описалась, хотя уже два года как ходила исключительно на унитаз. Поэтому стало еще и стыдно. Так много отрицательных эмоций в один момент. Они переполнили девочку, и Дора потеряла сознание.

С тех пор Дора возненавидела красный цвет...

Но он преследовал ее.

Ужасная автомобильная авария, чуть не стоившая двенадцатилетней Доре жизни, случилась на улице Красных партизан. Красная «Лада» на красный свет сбила ее на пешеходном переходе.

Снова кровь, машина «Скорой», реанимация. Красные лампочки на аппарате искусственного дыхания.

Дора выкарабкалась. Но долго еще хромала на переломанную в четырех местах левую ногу.

Красной помадой красила губы секретарша Дориного папы. И пятна от этой помады оставляла на его рубашках. Случайно или намеренно – кто знает. Дора, когда находила их, застирывала, чтобы не увидела мама. Но мама все равно узнала о связи мужа с секретаршей и выгнала изменника. Семья распалась. И пострадала от этого прежде всего Дора, души в отце не чаявшая.

От краснухи умерла ее мама. Не обратилась в больницу, и болезнь, которую можно, как грипп, вылечить за неделю, убила ее.

На «Красной стреле» Дора убегала от того, кто разбил ее сердце.

На ней же возвращалась домой, узнав, что беременна. И это было здорово. Дора хотела ребенка...

Но он умер в роддоме в красный день календаря.

И вот теперь красная лента на не приметной картонной коробочке. До этого были розовые, голубые, зеленые... Разные, в общем.

Первое послание от анонима Дора получила три недели назад. Его так же доставил курьер и отдал Ренату. А тот, в свою очередь, передал начальнице.

Дора развязала ленточку, кажется, оранжевую, раскрыла коробку и брезгливо оттолкнула от себя. Ей прислали дохлого воробья! Швырнув мертвую птицу вместе с «гробиком» в урну, госпожа Эленберг вызвала своего помощника, чтобы узнать, какой фирмой была осуществлена доставка. Он не вспомнил. За что получил нагоняй.

Поэтому, когда пришла следующая посылка, Ренат записал контакты службы доставки. И Дора позвонила в фирму, чтобы узнать, от кого она получает «подарочки» – на сей раз коробку с червями. Но оператор сообщил, что не имеет права разглашать эту информацию. Естественно, Дора могла съездить в офис, надавить на работников, или, что, пожалуй, проще, заплатить им за нужные сведения, но решила подождать следующей посылки. Она пришла дней через пять. Открыв коробку, Дора обнаружила картинку. На ней было нарисовано, как черти жарят женщину с лицом Доры на сковородке. И под картинкой надпись: «Гори в аду!»

– Детский сад какой-то, – процедила Дора сквозь зубы. И как-то сразу потеряла интерес к анониму. Наверняка, кто-то из уволенных сотрудников брызжет ядом и вот так мелко гадит.

Следующие посылки были похожими: гадости и проклятья. Но сегодня Дора обнаружила за дворником своей машины послание: «Скоро ты получишь последний подарок. А потом сдохнешь!»

И вот он, последний подарок, лежит перед ней в коробке, обвязанной красной лентой.

«Если там не сибирская язва, я буду разочарована, – подумала Дора. – И если не сдохну сегодня, то завтра напишу заявление в полицию. Пусть найдут идиота, что шлет мне всю эту дрянь, и накажут хотя бы рублем».

Дора взялась за концы ленты и потянула их. Бант развязался. Госпожа Эленберг сняла крышку с коробочки.

Внутри оказалась кукла. Самодельная. Очень похожая на Дору. И в ней торчали закопченные иглы.

– Не сибирская язва, – пробормотала Дора. – Но порча...

В желудке кольнуло. Да больно так...

Как раз в том месте, куда была воткнута одна из иголок.

Госпожа Эленберг схватила сумочку и достала сильное обезболивающее. В последние три недели она жила на нем. Болело то одно, то другое, но чаще брюшная полость.

«Завтра точно пойду в полицию, – решила Дора. – А сейчас поем!»

И, нажав на кнопку селектора, проговорила:

– Ренат, я хочу вишневого варенья и много-много чая.

– Сделаем, – ответил помощник.

Дора выкинула коробку и раздражающую своим цветом красную ленту в урну. Но куклу с иголками убрала в ящик. Еще пригодится.

Глава 2

«Ре»

Нет, такого не может быть!

Дыра...

На джинсах «Кензо».

И ладно бы на штанине, можно было бы сказать, если кто-то заострил бы на ней внимание, что это задумка дизайнера... А то на заднице! Ренат сел, услышал треск и понял, что джинсы порвались. Скорее всего, под карманом. Там уже было протерто. В другие времена он выбросил бы штаны сразу, как это

обнаружил, но...

Но сейчас ему не до жиру. Новые джинсы он мог купить, конечно. Но не дизайнерские.

Удалившись в туалет, он посмотрелся в зеркало. Прореха невелика, но заметна. Хорошо, что у него есть во что переодеться. А то пришлось бы зашивать, и получилось бы, возможно, еще хуже.

– Ренатик, выйди, я пол домою, – услышал он из кабинки.

– Фаина? – переспросил Ренат. Хотя узнал уборщицу по голосу. Это была она, Фаина. Улетная девочка, которой бы не полы мыть, а танцевать гоу-гоу. Рост, фигура, волосы до талии, глазищи вполлица. А какая пластика! Когда Фаина передвигалась по помещению со шваброй, казалось, она исполняет эротический танец.

– Тут такая плитка дурацкая, – продолжила она. – На ней разводы остаются, если сразу на влажную наступить...

Из-за двери показалась красавица Фаина. Волосы цвета пшеницы собраны в хвост, на лице ни грамма косметики, тело упаковано в синий халат. И все равно хороша необыкновенно!

– Фай, а ты как вообще к нам попала? – спросил Ренат, отходя к двери. – Кто тебя сюда устроил?

– Биржа, – ответила Фаина, споро орудуя шваброй. Никто не ожидал от молодой красотки, что она будет старательно исполнять обязанности уборщицы. Но она мыла на совесть, а не тяп-ляп.

– То есть ты, желая найти работу, пошла на биржу и... – Ренат выдержал паузу. Ожидал, что ее прервут, но Фаина продолжала мыть пол. – И когда тебе предложили место уборщицы, ты согласилась?

– Да, – коротко ответила она, вытолкнув парня за порог.

Девушка работала в их заведении почти месяц. Когда она пришла, все обалдели, узнав, чем Фаина намеревается заниматься. Ладно бы официанткой устроилась, а то уборщицей. До нее пол мыли только пенсионерки да нелегалки.

- Фай, а ты учишься? - не отставал от девушки Ренат.

- Да.

- В колледже?

- В университете.

- Заочно, я так понимаю?

- Правильно понимаешь.

- А по какой специальности?

- Психология.

Тем временем она домыла туалет и вышла в коридор с ведром и шваброй.

- Слушай, у нас освобождается в конце месяца место официантки, не хочешь занять его?

- Нет, спасибо.

- Но почему? Оно более денежное и...

- Менее унижительное? - хмыкнула она, подняв на Рената глаза. А в них ничего кроме «отвали от меня»!

Но он не хотел отваливать. Фая ему очень нравилась. Пожалуй, он рассмотрел бы ее кандидатуру на роль своей девушки, но... Он не мог встречаться с уборщицей! С официанткой - да. Хотя еще год назад он воспринимал официанток только как девочек на одну ночь. Кто они? Обслуга! А он...

А он был сыном олигарха. Хата, тачка, моцик, цацки, шмотки – все лучшее. Такие же девочки. Встречался Ренат исключительно с моделями. Да, как правило, дуры. И каждая вторая сидит на чем-то, кто на коксе, кто на кислоте. В постели никакие. Зато в свет с такой выйти не просто не стыдно – почетно. Еще у Рената была одна порнозвезда. Звали ее Лесей. Мать украинка, отец пакистанец. Огонь-баба. И собою хороша невероятно, грудь пятого размера, причем своя, ноги от ушей, а на ягодицы можно ставить кружку с пивом и не бояться, что упадет, и умна, и в сексе творила такое, что молодой любовник, а она была старше его на шесть лет, после ночи любви едва ноги таскал. Ренат влюбился в нее так страстно, что готов был жениться. Представил отцу. Причем без опасений. Эта развратница могла себя подать английской королевой. У нее и вкус был отменный, и манеры, и тему в серьезном разговоре поддержать умела. Так что ничего удивительного в том, что и батя сделал на нее стойку. И, посчитав своего двадцатидвухлетнего сына не парой столь блестящей женщине, принялся за ней ухлестывать. В итоге увел. Ренат, конечно, страдал. Но не так сильно, когда отец ради Леси мать бросил...

И не вернулся к ней по сей день. Жил со своей... шмарой, которая делала вид, что леди. Обвенчался с ней даже. И ладно бы не знал, что она из себя представляет! Ренат сразу открыл отцу глаза на Лесю. Да только себе хуже сделал. Отец послал сына подальше, лишив «довольствия». Да, у него осталась шикарная хата, тачка, моцик, цацки и барахло. Вот только, чтобы содержать квартиру, «Порш» и «Харлей», требовались невероятные деньги. Первым делом Ренат продал байк. Причем выгодно. И несколько месяцев жил так, как привык. Но деньги кончились. А взять их негде. Мать ушла, можно сказать, с одним чемоданом. То есть не потребовала дележа имущества через суд. Довольствовалась тем, что ей бывший муж оставил. А оставил он ей, женщине, прожившей с ним двадцать три года и в горе, и в радости, и в богатстве, и в бедности, причем в горе и бедности большую часть времени, квартиру, машину, шмотки и цацки. Все то же, что и сыну. Только вместо моцика матушка отхватила какую-то уродскую, но жутко дорогую картину. И была всем довольна. Жить есть где, на чем ездить тоже, а на пропитание она себе зарабатывала, расписывала стекло – тарелки, бокалы, абажуры. Будучи в браке, занялась этим, чтобы не умереть от скуки, раздаривала свои поделки друзьям, а теперь, оказалось, их можно успешно продавать.

Ренат, в отличие от родительницы, ничего делать не умел. Вообще! Разве что прожигать жизнь, но кто будет за это платить? Пришлось достать свой диплом, благо институт он окончил, жаль, ничему там не научился, и отправиться в

кадровое агентство в поисках работы.

Так он оказался в «Млечном Пути».

– Ты меня извини, Ренатик, – услышал он голос Фаи, – но мне некогда разговаривать, надо женский туалет еще вымыть.

– Значит, в официантки не пойдешь?

Она покачала головой и, взяв ведро, направилась к соседней двери. Ренат провожал ее взглядом и думал – где подвох? Не может красивая девочка с незаконченным высшим образованием довольствоваться местом уборщицы. «Может, она какое-то исследование проводит? – предположил он. – Пишет, как студент-психолог, курсовую? И, сделав это, уволится? Хотя, судя по одежде, Фаи в деньгах нуждается. Носит очень дешевые шмотки. Но прекрасную фигуру Фаи не может изуродовать даже китайское барахло...»

Развить эту мысль Ренату помешал звонок телефона. Зазвучала тема из «Звездных войн» – мелодия, что сопровождала появление Дарта Вейдера в кадре. Парень скачал ее специально, чтобы поставить на звонок начальницы. Ренат поспешил вытащить сотовый из кармана и поднести к уху.

– Слушаю вас, Дора Эдуардовна, – четко проговорил он. Начальница терпеть не могла мямлей.

– Ты мне нужен.

– Буду через минуту.

– Поторопись, – скомандовала Дора и отключилась.

Ренат так и сделал – поторопился. Чуть ли не бегом бросился к кабинету директора. Он дорожил работой, поэтому старался угодить Доре Эленберг, или, как он называл ее за глаза, Доре Вейдер. Давалось ему это ох как не просто! И не физически, тут Ренат особо не напрягался, у него было не так много обязанностей, и высыпался он хорошо, поскольку рабочий день начинал после обеда. Он уставал морально. Начальницу нужно было беспрекословно

слушаться, но не лебезить перед ней. Лизоблюдов Дора не любила еще больше, чем мямлей. А еще тугодумов, сплетников, выпивох. Список можно было продолжать до бесконечности. В каждом из своих секретарей она находила сразу несколько отрицательных черт, указывала на них и, если работник не исправлялся, увольняла. Впрочем, многие уходили сами. Это была не та должность, ради которой стоит терпеть придирки, неуважение, а зачастую и унижение.

Кто бы знал, сколько раз Ренат хотел послать Дору Вейдер к чертям! Раз десять точно. И это только за день. И в последнее время. А на первых парах куда чаще и дальше. Но он терпел. Потому что у Рената была цель. И поставил он ее перед собой, едва устроившись. Если он добьется своего, все проблемы останутся в прошлом. И он заживет так, как раньше, – богато и весело.

Глава 3

«Ми»

Михаил Аверченко, Михась, как его все называли, ненавидел свою работу. Но уволиться не мог, потому что должен был боссу крупную сумму. Деньги он занял три года тому назад, когда только-только устроился. Очень нужны были, да немалые, и начальник, как Михасю тогда казалось, выручил, а на деле – заковал в кандалы. Именно так, и никак иначе. Рабом своим сделал. Но с правом выкупа вольной. Да только никак у Михася не получалось долг отдать. Потому что проценты росли, а зарплата нет. Да босс еще постоянно штрафовал то за одно, то за другое. Не только Аверченко, всех. Но другие, если считали себя несправедливо обиженными рублем, увольнялись. А Михась не мог.

Он пробовал перезанять. Но никто не давал всей суммы. Кредит без справки о зарплате не получить, а зарплата «серая». К тому же бухгалтер сразу доложит боссу о том, что раб желает избавиться от оков, и босс что-нибудь придумает, дабы не допустить этого.

Женщины так коварны!

О да, начальница Михася была женщиной.

Дора Эдуардовна Эленберг, так ее звали.

Имя и отчество настоящие, доставшиеся при рождении. Как и фамилия – Дора ни разу не была замужем.

Когда Михась впервые увидел ее, поразился. Он был крупным мужчиной, сильным, в юности занимался боксом, служил в ВДВ и привык к тому, что основная масса людей уступает ему в габаритах. Особенно представительницы слабого пола. Но Дора была под стать Михасю. Высокая, ширококостная, мускулистая, мясистая, но не толстая. Женщина-монумент. Но с лицом феи. Тонкие черты, бледная кожа, чистый, без морщинок лоб, на который спадают светлые от природы локоны. Как матушка-природа могла сотворить такое? Михась подумал, что это все равно что главную героиню мультфильма «Шрек» Фиону не до конца расколдовать. Оставить прелестное личико принцессы на теле великанши.

Доре на момент знакомства было сорок восемь. На семнадцать лет больше, чем ему. Михась считал такую разницу в возрасте пропастью. Встречаться ему приходилось только с ровесницами, плюс-минус два года. Поэтому с недоумением смотрел на начальницу, когда она заигрывала с ним. А она заигрывала! И только с ним! На других парней внимания не обращала. Михась решил было, что ему чудится, если бы ему об этом еще несколько человек не сказали. Подкалывать начали. Беззлобно, но Михасю все равно это не нравилось. Претила мысль о том, что женщина, чуть ли не в матери ему годящаяся, да еще обладающая весьма специфичной внешностью, имеет на него виды. Но когда у него начались проблемы и понадобились деньги, чтобы их решить, Михась обратился именно к ней, к своему боссу, Доре Эдуардовне Эленберг. И она не отказала! Вот только потребовала не только возврата долга, но и...

Любви и ласки.

Она именно так и сказала Михасю. Произошло это спустя три недели после того, как нужная ему сумма была получена. Со дня на день обещали зарплату, и Аверченко явился в кабинет босса, чтобы узнать, какую часть суммы у него удержат.

Дора встретила Михася ласково. Усадила в кресло, а не на жесткий стул с прямой спинкой, на который обычно указывала, когда к ней являлся кто-то из подчиненных. Любой в ее кабинете обязан был чувствовать себя некомфортно.

- Кофе, чай? – спросила она.

Михась покачал головой. Дора выгнала очередного секретаря, и готовить напитки было некому, он знал это.

- Может, коньячку? – ошарашила начальница.

- Я не пью, – выпалил Михась и, кашлянув, добавил: – На работе.

- Так уже конец дня. А ты не за рулем. Давай?

Он отказался. А Дора налила себе пятьдесят граммов какого-то диковинного коньяка из бутылки, которую его мама, к примеру, никогда бы не выбросила, а поставила бы на видное место как вазу – такой она была красивой. Попивая коньяк мелкими глотками, госпожа Эленберг смотрела на Михася. Он говорил, а она смотрела. И пила коньяк. И взгляд у нее был такой...

Как у удава, что гипнотизирует трепыхающегося кролика? Нет, пожалуй, неверное сравнение. Хотя Дора и язык по-змеиному высовывала, чтоб облизать губы после каждого глотка. И Михасю даже казалось, что ее язык раздвоенный.

Но нет, начальница напоминала ему не рептилию, а животное. Хищное млекопитающее. Не сразу он понял, какое именно, но, порывшись в памяти, догадался... Гиену! Приходилось Михасю сталкиваться с этими тварями, когда служил в Средней Азии. Он был тяжело ранен и валялся в степи, брошенный товарищами на верную смерть. Гиены, что обитали там, чуяли добычу и выли. Если так можно было назвать те звуки, что они издавали: животные визжали, рычали, хохотали, созывая друг друга на пир. Гиены были неплохими охотниками, но предпочитали падаль. Она и вкуснее для них, и добыть ее можно без усилий. Поэтому Михась не сомневался, что вскоре его бранным телом полакомятся эти уродливые животные. Они ждали, когда он сдохнет! Но им не терпелось, и то одна гиена, то другая подбиралась к нему. Михась отгонял их автоматом, в котором не осталось патронов. Твари отбегали, но недалеко. Держались поблизости, постепенно сужая кольцо.

Михась на какое-то время отключился. Очнувшись, увидел над собой звериную морду. Гиена заглядывала ему в лицо. Они встретились глазами...

И Михасю стало страшно! Не потому, что клыки хищника находились всего в нескольких сантиметрах от его горла, нет... У гиены был такой осмысленный взгляд! Как у человека. И в нем столько всего...

Аверченко сжал выпавший из рук автомат и шарахнул им гиену по хребту. Животное взвыло, но не отбежало, как делало раньше. Лишь чуть подалось назад. И взгляда от лица Михася не оторвало. Гиена продолжала сверлить его глазами и усмехаться. Не пастью – глазами. И взгляд ее словно говорил: ничего, ничего, поиграй в царя природы, человечешко, пока руками шевелить можешь да в сознании находишься. Недолго тебе осталось. Я зверь терпеливый, я подожду... Но ты все равно мне достанешься. Ты моя добыча.

У Доры Эдуардовны Эленберг был похожий взгляд. Только спасти Михася на сей раз некому. Тогда «вертушка» за ним прилетела. А теперь он один на один с хищницей.

– Михаил, вы мне нравитесь, – наконец-то заговорила Дора. Причем не дожидаясь того момента, когда Аверченко замолкнет. Бесцеремонно перебила, хотя до этого молчала даже, когда он делал паузы, ожидая ее ответа. – Поэтому я и помогла вам. Приди ко мне любой другой работник, пусть даже не новичок типа вас, а человек со стажем, я бы отказала. Мы не благотворительная организация.

– Но я же отдам все до копейки! – воскликнул он. – Надо только обсудить, в какой срок...

Она жестом остановила его. Все это госпожа Эленберг уже слышала – Михась повторялся.

Но Дора тоже этим грешила:

– Вы мне нравитесь, – сказала она вновь. Будто Михась с первого раза не понял значение этой фразы.

Только оказалось, не понял. Вернее, не совсем... То есть, как бы выразился сам Михась, возьми он пересказывать этот эпизод, – не сразу догнал!

– И, если мы поладим, – продолжила Дора, – я не буду торопить вас... А возможно, и прощу долг.

– То есть? – тупо переспросил Михась.

Она поставила опустевший бокал на стол, встала. Одевалась Дора элегантно. Носила приталенные костюмы или платья-футляры. Размера эдак пятьдесят шестого. Коленки всегда закрыты. Зато шея напоказ. Потому что красивая, не полная, длинная, без морщин. А вот грудь необъятная. Даже закованная в тугий лифчик, выдается, вздымается, колышется, буквально рвет трикотаж пиджака, что надет сегодня. Живет, можно сказать, своей жизнью. И мужчину-«бюстиста» это заворожит. Да вот только Михась «ногистом» был. То есть западал на длинные стройные ноги. Если они еще спортивными были, с икорками прокачанными, с бедрышками литыми, то голову терял. А тут... вымя! И ноги как колонны. С толстыми лодыжками. А уж какие колени скрываются под юбкой, лучше не представлять...

Тем временем Дора приблизилась к Михасю, склонилась над ним, сверкнув ложбинкой между грудей, наверняка считала свое декольте смертельным оружием, и проворковала:

– Мне не хватает любви и ласки.

И тут Михась догнал!

Госпожа Эленберг готова была забыть о долге своего подчиненного, охранника Аверченко, если он станет ее любовником.

Осознав это, Михась внутренне содрогнулся. Проблем с потенцией он никогда не испытывал, но на Дору у него совершенно точно не встанет. И не потому, что она старовата и толстовата, вернее, не только поэтому. Просто Михась начальницу как женщину не воспринимал. Даже сейчас, когда она своими хорошо развитыми вторичными половыми признаками, иначе говоря, богатой грудью, в лицо ему упиралась. И не то чтобы он думал увидеть под ее юбкой... кхм... мужские яйца! Нет, скорее, хвост. Потому что не человек Дора Эдуардовна Эленберг, а какой-то

монстр. Даже не Фиона, та была милашкой даже в своем великаньем обличи...

Гарпия?

Михась вспомнил учебник истории, раздел «Мифы Древней Греции», и картинку, на которой это мифическое существо было изображено. Отвратительная полуженщина-полуптица. И пусть у Доры красивое лицо, а гарпия безобразна, все равно что-то общее между ними есть.

– Что скажешь на это? – услышал Михась томный шепот. Грудь опустилась еще ниже. Теперь он мог увидеть кружево бюстгальтера.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. Выражение их изменилось. Оно стало... просящим? Нет, такого не может быть. Наверное, Дора хотела приласкать Михася взглядом, но только еще больше смутила. И он, как провинившийся школьник, понурился, после чего мотнул головой. От него просили ответа, а он... Он не смог выдать из себя даже короткого слова «нет», не говоря уже о других фразах, например, уместной в данной ситуации: «Вы привлекательная женщина, но у меня есть правило – я никогда не завожу романов на работе!». А сколько еще было вариантов! Михась потом придумал их не меньше десятка. И «я вас не достоин!», и «у меня есть любимая девушка, которой я не изменяю», и, в конце концов, «я импотент». Но глупый растерянный Михась лишь башкой качнул.

Не дал Доре возможности «сохранить лицо».

Дальше все развивалось стремительно. Госпожа Эленберг резко выпрямилась, развернулась, прошла, чеканя шаг, к своему столу. К Аверченко не поворачивалась, и он не мог видеть ее лица несколько секунд. Когда же она воззрилась на Михася, лицо было бесстрастно.

– Как я уже говорила, мы не благотворительная организация, – сказала Дора ледяным тоном. Аверченко даже показалось, что в комнате стало холоднее. По крайней мере, его зазнобило. – Поэтому я даю вам три дня на то, чтобы расплатиться. Согласитесь, это очень милостиво с моей стороны, одолжить вам, человеку, что проработал у нас без году неделю, крупную сумму почти на месяц.

– Поймите, но мы же договаривались, что я буду выплачивать долг частями!

– Пока мы ни о чем не договаривались. Вы сказали, что хотели бы выплачивать его частями.

– А вы не возражали.

– Да. Я и сейчас не против. Но в этом случае будут капать проценты.

– И каков их размер?

– Я обдумаю этот вопрос. – Она обогнула стол и уселась в кресло. – Идите, – скомандовала Дора, включив компьютер.

И Михась ретировался.

А в день зарплаты в конверте (она была «серой», и на карту перечислялся только минимум, остальное – на руки) Аверченко обнаружил не деньги, а документ. С подписями и печатями. Причем откуда на бумаге взялся его «автограф», можно было только гадать – он расписывался на каких-то документах, но только не на долговых расписках. Изучив содержание этой бумаги, Михась понял, что попал в кабалу. Условия оказались суровее, чем в любом банке.

С тех пор прошло три года. Долг Михась так и не выплатил. Только половину суммы. Месяцев восемь назад попытался «соскочить». Но его так «пресанули», что по стеночке несколько дней ходил.

– Михась! – услышал Аверченко оклик и обернулся. Он только заступил на дежурство и пил кофе возле пока еще пустующего бара.

– Привет, Ренат, – поздоровался Михась с секретарем босса.

– Здорово. – Парень подошел, и они пожали друг другу руки. Ренат нравился Аверченко. Он хоть и занимался не мужским, по его мнению, делом, но имел просто-таки железные яйца, так они в армии характеризовали нормальных пацанов. Другие бы Дора расколола за считанные дни. Максимум за месяц. Что она и делала с «фаберже» предшественников Рената. Естественно, не буквально. – Там какие-то личности сомнительные крутятся возле входа, пойд

шугани, а то народ скоро начнет подтягиваться.

Аверченко кивнул и, залпом допив кофе, сполз с высокого крутящегося табурета.

Их заведение было караоке-клубом. Большим и известным. Называлось «Млечный Путь». Зайти в него мог каждый платежеспособный и хорошо выглядевший человек. Фейс-контроль имел место, но категории «лайт». Не пускали в клуб разве что очень пьяных и неподобающе одетых. Но попасть внутрь – мало. Надо обязательно заплатить депозит. Без него даже в баре не посидишь. Некоторым это не нравилось. Особенно случайным людям. Тем, кто не бывал в «Млечном Пути», не слышал о нем и не знал порядков. «Нам может у вас еще не понравится, и мы, выпив по коктейлю, уйдем!» – кипятились они. Но администратор лишь пожимал плечами и говорил: «Таковы правила клуба». Кое-кого из таких Михасю приходилось выдворять. Он работал внутри помещения. При входе другие люди, но в данный момент в клубе из охранников находился только Михась, вот Ренат его и позвал.

Быстро разобравшись с хмельной компанией, отирающейся у дверей заведения, Аверченко вернулся в большой зал. Здесь все уже было готово к приходу посетителей, хотя первые гости появятся минимум через час. Но босс строго следила за тем, чтобы подчиненные являлись на работу вовремя и сразу приступали к выполнению своих обязанностей. И неважно, какую должность ты занимаешь, креативного директора или уборщицы – со всех один спрос. Так что Михась не сомневался, что «наружного» охранника вскоре уволят, поскольку он, пусть и на пять минут, но опаздывал. В лучшем случае являлся вовремя. А требовалось пораньше.

– Еще кофе? – спросил у Михася бармен Серега. Да, да, не Сергей, а Серега. У него не только на бейдже, но и в паспорте это имя было написано. Потому что его отец пришел регистрировать ребенка под хмельком. И когда у него спросили, как хотите назвать сына, он ответил: «Серегой». Регистраторша так малыша и записала. Серега. Возможно, тоже была нетрезвой. Или не в настроении.

– Нет, спасибо, просто воды.

Сергея поставил перед Михасем бутылку минералки и стакан. Но попить Аверченко не успел, поскольку в зал ввалилась компания из пяти человек. Три парня и две девушки. Все как на подбор! Золотая молодежь в брендовых шмотках, при драгоценностях, швейцарских часах, с последними моделями айфонов. Девочки с губами, мальчики с бицепсами. И те и другие в татуировках. Хотят скоротать время до того, как в ИХ клубе начнется движуха.

К компании тут же бросилась самая расторопная официантка Айгюль. Эта девочка приехала в Россию из Казахстана за любимым. Парень обещал жениться, но слова не сдержал. А поскольку семья Айгюль была категорически против отношений дочери с приезжим, да еще и иноверцем, то возвращаться домой после того, как ее бросили, девушка не спешила. Имея высшее техническое образование, трудилась официанткой. Зато получала отлично. На зарплату жила, а чаевые переводила в доллары и откладывала. Мечтала накопить на то, чтобы у себя в Казахстане открыть что-то доходное. И сказать родителям – да, я совершила ошибку, поверила приезжему, иноверцу, но не осталась с пустыми руками, он мне денег отвалил после расставания.

Когда Айгюль, с которой Михась давно бы сблизился, если б не опасался репрессий со стороны госпожи Эленберг, усадила компанию в вип-ложу, диджей включил музыку. Тихо, чтоб не мешать посетителям. Просто для фона. Пока они смотрят меню, выбирают, что заказать из выпивки и закуски... Кальян опять же предлагается...

Но скоро гости захотят петь!

И этого Михась боялся больше, чем драки. Потому что драка быстро закончится – он этому поспособствует. А вот завывания прекратятся только тогда, когда закончится оплаченное время.

А эти ребята в состоянии продлять и продлять!

У Михася был абсолютный слух. Что неудивительно, ведь он родился в семье музыкантов. Мама играла на арфе, отец... О, он мог играть на всем, но лучше всего на нервах жены. Поэтому она ушла от него, когда сын пошел в школу. Вернее, школы: общеобразовательную и музыкальную. Первую с горем пополам окончил, а вторую бросил, потому что музыка интересовала его в последнюю очередь. Карате, хоккеем, спортивное ориентирование – да. Но не игра на

фортепиано. Матушка-арфистка пыталась бороться со своим чадом, она и шантажировала его – не вернешься к занятиям музыкой, не получишь карманных денег, и взывала к разуму – человек с такими способностями не может зарыть их в землю, и, что всего смешнее, подключала бывшего мужа, просила, чтобы сына вразумил. А Михась, возможно, именно из-за отца и не хотел музыкой заниматься. Кем стал его талантливый батя, владеющий несколькими музыкальными инструментами, включая диковинную волынку? Тамадой! Не всемирно известным исполнителем, хотя еще в юности давал концерты в большом зале консерватории, а массовиком-затейником, так, по старинке, он сам себя называл. Потому что любил деньги и вино. Вернее, вино и деньги. Когда его поперли из оркестра, где оба родителя служили, за пьянку, молодой муж и отец устроился в ДК их района руководителем хора. Кроме этого вел мероприятия. А так как играть мог и на органе, и на стакане, а еще юморить и петь, его начали приглашать на юбилеи и свадьбы... И понеслось!

Одно мероприятие за другим. Пьянка за пьянкой. Случка за случкой. А как еще назвать то, что происходило между хмельным тамадой и пьяными гостями? Причем зачастую в туалете. Или где-то в укромном уголке ресторана, под лестницей, за занавеской, на подоконнике.

Пришло время, когда супруга узнала об этом. Оскорбилась, естественно. Подала на развод. Батя предпринял попытку все уладить. Он жил на территории жены, был всегда накормлен и обстиран, и ничего менять не хотел. Да вот беда, когда Мишкина мама уже готова была дать задний ход, одна из пассий любвеобильного родителя после случки не отправилась к себе домой, чтобы проспаться, а последовала за любовником и стала требовать «продолжения». В час ночи, на глазах у разбуженных ее ором соседей.

В итоге родители развелись. Отец быстро нашел себе другую. На одной из свадеб познакомился с бездетной, хорошо упакованной женщиной старше себя на двенадцать лет, поселился у нее. Мог бы сменить занятие – помогать сожительнице в ее цветочном бизнесе, но ему так нравилось... петь, пить и совокупляться! Хотя последнее меньше остального. Здоровье из-за систематических возлияний стало пошаливать.

В таком ритме отец просуществовал еще десять лет. И скончался от цирроза печени, не дожив до сорока пяти. Сыну после его смерти в наследство достался только старенький синтезатор.

...Тем временем развеселая компания первых посетителей, распив свои коктейли, стала решать, какую песню исполнить. А так как обсуждение велось на повышенных тонах, Михась слышал, что выбор стоит между одной из самых популярных в караоке-барах песен последних лет, «Я уеду жить в Лондон», и свеженьким хитом Егора Крида «Будильник». Это порадовало. Первую можно проорать, вторую прошептать. Несложные для исполнения композиции. Это вам не Уитни Хьюстон или «Скорпионс». Но еще не вечер! И их сегодня закажут, но ближе к полуночи.

Михась испытывал физические страдания, когда слышал, как фальшивят. А фальшивил каждый второй посетитель бара. Так что свою работу Аверченко ненавидел еще и поэтому.

Зазвучали вступительные аккорды композиции, заказанной-таки гостями...

Аверченко застонал. Причем вслух. Сэм Смит! Саундтрек к последнему Бонду. Да кто ж из этих дуралеев вытянет? Пять октав «до-ре»...

Ну почему они не остановились на «Будильнике»? Почему?

Микрофон оказался в руке у самого расфуфыренного парня из компашки. Михась, до того как в клуб устроиться, считал молодых людей, выглядевших подобным образом, геями. Брючки в обтяжку, футболки с какими-то мультяшными героями, бабские цацки: сверкающие, с финтифлюшками, плюс укладка, коррекция бровей, эпиляция зоны «декольте», и как он слышал, «бикини»... Разве это мужики? Оказалось, да. Вполне себе нормальные, гетеросексуальные. Парень, что собирался сейчас петь, был из таких. Вроде и «голубой» (как и Сэм Смит), а рядом с ним девушка, которую он обнимает совсем не по-приятельски. Но и это не показатель. Бывали среди завсегдатаев такие, что один день с супругой приходили, а в другой с любовником. В общем, в мире, который можно назвать светским, творилось что-то совсем невообразимое. Но Михась к этому привык быстрее, чем ко всему остальному. Пусть себе друг с другом спариваются, страиваются, устраивают свальные групповухи. Главное, чтоб его не трогали...

А ведь и такое случалось! Заигрывали с красивым и статным охранником что девушки, что парни. Бывало, и группой подкатывали. Барышень, если они были юны, хотелось поставить в угол, чтоб подумали над своим поведением, а

юношам снести башню. С людьми постарше дело обстояло примерно так же, только зрелых теток Михась в том же углу на колени бы уронил... на горох! Потому что нельзя так себя вести хранительницам очага, матерям...

Только он подозревал, что им бы это еще и понравилось. Теперь же тема «садомазо» актуальна. Весьма странный, по его мнению, роман, а за ним фильм «Пятьдесят оттенков серого» создали моду на БДСМ. В «Млечном Пути» даже вечеринка проходила как-то раз... кхм... тематическая. Михась тогда еле-еле ее окончания дождался, так ему противно было наблюдать за участниками сего мероприятия...

А сейчас он наблюдал за расфуфыренным парнем с микрофоном. Ожидал от него козлиного бляенья и внутренне собирался, но молодой человек удивил. Спел очень достойно. Вся компания поаплодировала ему, но больше солировать не дала. Похватила микрофоны и заголосила «Я уеду жить в Лондон».

А паренек встал и, подтянув свои штанишки, державшиеся на ремешке со стразами, направился к туалету. Ему навстречу вышел Ренат. Вернее, выбежал. Парни столкнулись. Секретарь Доры Эдуардовны рассыпался в извинениях и хотел понестись дальше, но гость остановил его, схватив за руку. Михась тут же отделился от стойки, на которую опирался локтем, и двинулся в их сторону. Подумал, гостю не понравилось, что его задела и он готов пойти на конфликт. Но, оказалось, парни знакомы:

– Ренат, ты чего это как неродной?

– О, Леша! Извини, не сразу узнал... Ты сменил цвет волос и постригся.

– Да я давно... Неужто мы с тобой год не виделись?

– Наверное, больше.

– А куда ты пропал?

Ренат пожал плечами. Разговор тяготил его, это было заметно.

– Ты извини, мне бежать надо, – выпалил он.

- Куда? Ты тоже тут? В другом зале? А мы думали, что первые пришли.

- Я тут, но... - Ренат осекся. - Леш, я реально опаздываю.

- Ты далеко не убегай, лады? Если что, я вон там, а еще Китти, Сэд, ну ты помнишь их, да? - Он указал направление. - Остальных не знаешь, но ребята улетные, познакомлю.

Ренат вымученно улыбнулся и закивал. Было ясно, он торопится. Спешит на зов босса. Но и встреча, что состоялась минуту назад, не то чтобы расстроила, но явно не принесла парню радости. Он хотел бы ее избежать. А коль такого не случилось, закончить в максимально короткий срок.

- Мы сейчас кальяничик замутим, еще по кругу коктейльчиков. Подгребай.

- Хорошо, - Ренат бросил это, чтоб от него отстали.

- Нет, ты обещаешь.

- Леш, я очень постараюсь. Прямо-таки из кожи вон вылезу. - И буквально вырвал свой локоть из пальцев своего старого приятеля - тот продолжал удерживать его. - А сейчас мне нужно мчаться. Ребятам привет!

Проводив Рената взглядом, Алексей скорчил недоуменную гримасу. Затем скрылся в туалете. А когда вернулся в зал и занял свое место, поманил сидящую напротив девушку. Та перегнулась через столик, на котором вместо пустых стаканов стояли полные. Поскольку на тот момент никто не пел, то Михась, обладающий отменным слухом (не только музыкальным), слышал разговор:

- Знаешь, кого я сейчас видел? - обратился к барышне, судя по всему, Китти, Алексей. - Рената!

- Да ты что? - встрепелась та и начала озираться. - Где он?

- Унесся куда-то.

– Что ж ты его не позвал к нам? – возмутилась девушка и надула свои и без того полные губы. На маленьком скуластом личике они смотрелись как два вареника, облитых вишневым вареньем.

– Я звал, но он куда-то торопился. Сказал, постарается присоединиться к нам позднее.

– Как он выглядел? – с любопытством спросила Китти.

– Нормально...

– Ну как нормально? – не отставала девушка.

– Как и раньше.

– Он не может выглядеть как и раньше, – запальчиво возразила Китти.

– Это потому, что ты его бросила когда-то? – хмыкнул Алексей.

– Нет, потому что папаша его денег лишил.

– Да ты что? Первый раз об этом слышу.

– Я тебе разве не говорила этого раньше? Странно. Хотя... – Она вынула из стакана трубочку и стала ее задумчиво посасывать. При таких губах это выглядело не совсем пристойно. Михась отвернулся. – Я узнала об этом полгода назад, а ты тогда в Штатах находился, – услышал он. – Короче, Ренат сейчас, – девушка хихикнула, – бесприданник.

– А я думаю, почему на нем пиджак из прошлогодней коллекции, а штаны потертые...

Тут зазвучала музыка, и голоса Китти и Леши потонули в начальных аккордах песни «О боже, какой мужчина». Ее в два микрофона начали исполнять барышни, очень друг на друга похожие, то ли сестры, то ли жертвы одного хирурга-пластика, будто соревнуясь друг с другом в бездарности. Пели они преотвратно. И не только по мнению Михася. Даже друзьям «двойняшек» так

показалось, поэтому закончить им не дали – отобрали микрофоны.

В этот момент в зале появилась еще одна компания, не такая многочисленная. Три человека: двое мужчин и женщина. Возраст – в районе тридцати. Судя по всему, коллеги. Сегодня пятница, и они наверняка что-то на работе отмечали, но решили не расходиться, а продолжить веселье. Одеты по-офисному, слегка пьяны, у мужчин на пальцах обручальные кольца, взгляды ищущие. Смотрят, есть ли в клубе одинокие девушки. На свою спутницу ноль внимания. Не воспринимают ее как сексуальный объект. И это при том, что женщина очень хороша. Лет тридцати – тридцати трех. Стройная, волосы темные, длинные. И лицо такое интересное, круглое, курносое, с ямочками, и глазищи зеленые, посверкивают из-под густой челки. Точно коллеги. Иначе мужики бы на нее стойку делали.

Эта компания направилась в другую зону зала, ту, что «эконом». К ним никто из официантов подходить не спешил, и пришлось одного из них подозвать. Изучив меню, заказали пиво и пиццу. Значит, намеревались сидеть долго, но в бюджете были ограничены (минимальный депозит). Выпьют за вечер по три стакана и склюют еще по салатику. Споют три песни. А потом будут решать, на оставшиеся деньги заказать чай или доплатить и взять кальян. Победит, скорее всего, кальян. И они будут скидываться, и дама наравне с кавалерами...

Михась, представляя это, смотрел на компанию так пристально, что они заметили. Троица зашушукалась, потом засмеялась. Явно над ним! Аверченко смутился, но виду не подал. Тяжело, будто нехотя, отвел взгляд. Постояв пару секунд, достал рацию и, делая вид, что говорит в нее, направился в другой зал. Да, девушка была чертовски привлекательной, по-настоящему, а не вымученно, как девицы в vip-ложе, и он тарачился больше на нее, но не только, как подумали эти трое. Он был внимателен ко всем посетителям. Внешность, поведение, манеры, примерное количество и качество алкоголя, на все Михась обращал внимание. Его первоочередной задачей было не допустить драки, и только потом, если прокололся, ее прекратить. Благодаря своей наблюдательности и навыку распознавать скандалистов и драчунов, а также воров и «крушителей», так он называл тех, кто по пьяному делу окружающим ничего плохого не делает, но мебель или посуду попортить может, Аверченко справлялся со своей задачей блестяще. Ему и премии за это давали несколько раз, только на руки денег не выдавали.

Проходящая пока по пустому залу, Михась думал о Ренате. Надо же! Тоже «золотой мальчик». Неужели сын олигарха? Но бесприданник, как сказала Китти. То есть папаша осыпал сыночка золотом, осыпал, а потом резко прекратил. Из-за чего, интересно? Ренат ничего не рассказывал об отце. Только о матери. Аверченко думал, она одна его воспитывала. А вон как оказалось. Папаша имелся. Да не абы какой – «золотой». Михась видел «Порш» Рената. Он, правда, ездил на нем крайне редко, обычно на метро. И когда подкатил на тачке первый раз, сказал Михасю, обалдело на него вытаращившемуся, что не его машина, а его девушки. Только теперь ясно, что врал.

Глава 4

«Си»

Симона ненавидела свое лицо. Тело, впрочем, тоже. Как и волосы – волнистые, угольно-черные. Все считали их красивыми, только не Симона. Она-то знала, что творится у нее на голове, если не сделать укладки. Не то что в таком виде на людях не показаться, в зеркало страшно смотреть.

Любила в себе Симона лишь голос. Нежный, чистый, сильный. Когда она в караоке исполняла песни Селин Дион, все думали, звучит магнитофон. Потому что так подражать суперзвезде даже участникам шоу «Один в один» не удавалось. Многие подходили к Симоне после того, как мелодия стихала, а на экране высвечивались заработанные ею баллы, естественно, соточка, и выражали восторг и недоумение. Почти каждый спрашивал, почему она, Симона, с таким талантом прозябает в неизвестности. В том же «Голосе» поучаствовала бы. Или другом подобном проекте. И если бы не победила, то все равно прославилась. Симона обычно отшучивалась или, если не было настроения вступать в диалог, пожимала плечами. Она не хотела славы... Лишь покоя.

И в караоке-бар ходила не за признанием. Просто там акустика была лучше – все же большое помещение. И соседи в стенку стучать не будут, если увлечешься и затянешь «Рюмку водки на столе». Плюс к этому – бесплатные коктейли лучшему исполнителю, а Симона неизменно оказывалась лучшей.

Сейчас она как раз собиралась в караоке-бар. Выбравшись из душа, расчесывала волосы. При этом в зеркало не смотрела. Знала, что отражение ей не понравится. С залезанными мокрыми волосами она выглядела просто омерзительно. Минут через десять, когда они подсохнут, и Симона нанесет мусс, можно будет на себя глянуть. Но лишь одним, да и то прищуренным глазком. У Симоны был очень крупный лоб, и, чтобы это не бросалось в глаза, необходимо было уложить волной челку. Опустить к бровям и зафиксировать лаком. После этого уже наносить макияж.

Красилась Симона ярко. Акцент делала на губах. Они всегда пламенели. Красная помада – это очень сексуально. А глаза у нее и так выразительные. Можно лишь тушью ресницы подкрасить, но Симона еще и стрелки «а-ля Мерлин Монро» рисовала. И иногда под настроение перламутровые тени наносила. Но не сегодня. А вот румян больше чем обычно наложила. А все из-за лишнего веса. Симона поправилась немного, лицо сразу округлилось, а ей так нравились четко выраженные скулы.

Приведя волосы и лицо в порядок, Симона покинула ванную. У нее была большая квартира-трешка, в которой она обитала одна. Поэтому одну из комнат занимала гардеробная. Именно туда Симона и направилась.

Помещение было разделено на две части. В одной одежда и обувь для работы: все эти скучные офисные костюмы, классические туфли, в другой – наряды для досуга. Симона обожала блески, перья, атлас и бархат. И яркие цвета. Особенно красный. У нее имелось множество платьев, в которых Надежда Кадышева не постеснялась бы выйти на сцену. Платье Симона шила сама. Последнее из ее творений висело сейчас на отдельной вешалке. Золотой комбинезон в стиле «диско». К нему боа и закрытые туфли на платформе. Из-за того, что поправилась, Симона переживала. Поэтому под платье надевала корсет. А комбинезон сшила такой, чтоб обтягивал стройные бедра, а на талии был с напуском. Надев его и обувшись, Симона встала перед большим зеркалом. Повертелась. Вроде бы наряд хорошо сидит. И она в нем выглядит неплохо, но все равно не так, как хотелось бы.

Симона схватила боа и покинула гардеробную. Прошла в кухню. Открыла холодильник, достала из него бутылку мартини. Увы, сухого, а не «бьянко», поскольку Симона с недавних пор решила ограничивать себя в сладеньком. Наполнив бокал вермутом, она вышла на балкон.

Жила Симона в хорошем районе. Когда-то он считался отдаленным, теперь – близким к центру. Город с тех пор, когда эту квартиру тридцать пять лет назад получили родители Симоны, разросся, поглотив окрестные деревеньки. Реши она продать свое жилье, могла выручить очень приличную сумму. Денег хватило бы на пару квартир поменьше, причем необязательно в России, или на шикарный дом где-нибудь на берегу моря. И Симона готова была рассмотреть оба этих варианта, но в далеком будущем. Если к преклонным годам не удастся сколотить более-менее приличный капитал, чтобы его хватило на безбедную старость – не на пенсию же рассчитывать, то придется купить две маленькие, одну сдавать, во второй жить. Но при хорошем раскладе она сможет позволить себе дом у моря. Средиземного или Адриатического. В Испании или Хорватии – эти две страны очень нравились Симоне. Последняя больше, но она боялась зимой заскучать в Хорватии, уж очень мала и спокойна.

Попивая martini, Симона смотрела на ночной город. Все окна ее трешки выходили на проспект. Соседи, обладающие подобными квартирами, считали это недостатком. Вечное движение, шум, гам, суэта, выхлопы опять же. Тогда как из окон, выходящих на противоположную сторону, вид был умиротворяющий: скверик, пусть и совсем маленький, зато засаженный деревьями разных видов. Почти дендрарий. Появился скверик благодаря отцу Симоны. Он был ботаником и, когда жильцов новостройки отправили на субботник с целью озеленения двора, принес несколько саженцев из ботанического сада, где работал, и высадил их вместо тех, что предоставлял ЖЭК. А потом ухаживал за всеми деревцами, благодаря чему ни одно не погибло. Те, чьи окна выходили во двор, постоянно вспоминали папу Симоны с благодарностью. Изумительный вид заставлял забывать о том, что дом стоит в оживленном районе мегаполиса. Но Симоне нравилось смотреть на проспект. Правда, только вечерами, когда не видно ничего, кроме огней: застывших,двигающихся, мигающих, танцующих на рекламных щитах. Они казались живыми существами, что светятся в темноте, наподобие светлячков, медуз или личинок moskitov, обитающих в пещерах Новой Зеландии, и в темноте похожих на елочные гирлянды. И Симоне казалось, что она находится на другой планете, где из людей лишь она одна.

Бокал опустел. Можно было бы повторить, но Симона решила воздержаться. Настроение и так хорошее, и блеск в глазах наверняка появился. Она посмотрела на часы – десять. Пора!

Покинув балкон, она поставила бокал на подоконник, накинула на шею боа, взяла маленькую сумочку на цепочке, повесила на плечо. Последний взгляд в

зеркало. Вердикт – лучше я выглядеть просто не могу. Послав воздушный поцелуй своему отражению, Симона направилась к выходу.

Глава 5

«Фа»

Она не боялась тяжелой физической работы. Как все те, кто приучен к ней с детства. Уборка – самое легкое из того, что ей приходилось делать. Поэтому Фаина без особого напряжения справлялась со своими обязанностями специалиста по клинингу, так красиво именовалась ее должность. Вот и сейчас она, надраивая до блеска перила в зале, пока еще не заполненном посетителями, не чувствовала себя несчастной. Ей не тяжело, не скучно и ничуть не обидно! Да, другая бы на месте Фаины возмутилась, потому что начальница озадачила ее лишь затем, чтобы уборщица не сидела без дела. Перила и без того блестели, пусть и не так ярко, как сразу после натирки.

Фаина занималась своим делом старательно. Халтурить не привыкла. Ее бы за это...

Ох, как ее только за это не наказывали в детстве! Хватило нескольких уроков, чтобы Фаина на все последующие годы уяснила: делать все нужно на совесть. Через не могу, а не хочу – это вообще не аргумент.

– Блин, напугала! – услышала Фая голос охранника Михася и вздрогнула.

– А ты меня, – проворчала она.

– Я думал, тут никого.

– А я и есть никто...

– Что ты сказала? – не расслышал Аверченко. Что было неудивительно, Фая эту фразу прошептала.

- Да так, ничего. Я почти закончила. Что, там посетители?

- Пока две компании сидят за столиками, одна у бара. - Он привалился к перилам, сверху вниз посмотрел на Фаю. Персонал клуба поговаривал о том, что Михась пользуется большим расположением дам, но Фая не понимала почему. Да, большой, сильный, но мало, что ли, таких среди охранников? А теперь вдруг разглядела его! Глаза-то пронизательные, ласковые... Как у батюшки, честное слово... И это на лице с волевым подбородком и сломанным носом. Неожиданно.

- Ты знала, что Ренат сын олигарха? - спросил Михась.

- Нет. - А про себя добавила: «Я думала, он альфонс». Когда-то имел богатенькую любовницу, которая ему покупала дорогие шмотки и побрякушки, но по какой-то причине потерял ее и теперь окучивает госпожу Эленберг.

- Ты ему нравишься, - сказал Аверченко.

- Знаю.

- А он тебе?

Фаина пожала плечами.

- Он симпатичный парень, - продолжил Михась. - И я не только о внешности. Умненький, не злой, воспитанный, понимающий. Не думал, что среди деток олигархов такие приятные ребята есть...

- Может, он просто хочет таким казаться? - предположила Фая, наскоро закончив работу. Она не могла что-то делать, если над душой стояли.

- Меня трудно ввести в заблуждение.

- Серьезно? - едва сдержала она усмешку. Но Аверченко как будто все равно уловил ее. И, глянув на Фаю со значением, заговорил:

- Вот взять тебя. Стараешься быть незаметной. Не красишься, одеваешься в барахло, работаешь уборщицей. Из кожи вон лезешь, чтобы казаться никакой.

Стать невидимой. А для чего?

- Не понимаю, о чем ты, - пробормотала Фая.

- Ты не просто так сюда пришла. У тебя есть какой-то план. Не посвятишь меня в него?

Она едва не уронила ведро со своими орудиями труда. Вот ничего себе, тупой охранник! Ведь именно так она воспринимала Михася. А он ее... почти раскрыл!

У Фаины было мало времени на раздумье. Несколько секунд. И она решила, что лучшей реакцией будет следующая:

- Ты ничего обо мне не знаешь, - всхлипнула она.

- Эй, что с тобой? Ревешь? - Михась присел на ступеньку, взял Фаину за руку. - Перестань... Чего ты?

Фая уткнулась ему в плечо и еще немного похныкала для вида. Пришлось и слезу пустить.

- Я не пытаюсь казаться никакой... - выдавила из себя девушка, «успокоившись». - Я такая и есть, понимаешь?

- Нет.

- Мне с детства внушали, что я никчемная. У меня ни ума, ни талантов. Да что там... ни сообразительности, ни воображения, ни реакции. Только неплохое здоровье. Я сильная и выносливая. Поэтому могу работать лишь физически. Что я и делаю...

- Кто внушал тебе это?

- Мать.

- Она тебя не любила?

– Она меня не любила, – эхом повторила Фая. – Но я предпочла бы другое чувство...

– Это понятно.

– Не то, о котором ты подумал. Я говорю о ненависти.

– Что?

– Да, именно! Если бы мать меня ненавидела, я бы взбунтовалась. – Фая сжала кулаки потрясла ими в воздухе. – Но она просто меня не любила. Поэтому я старалась угодить ей, чтобы не злить лишний раз.

– Это мать тебя сюда отправила работать?

– Год назад она перенесла инсульт и стала инвалидом первой группы: почти не двигается и не говорит. Так что отправить меня куда-то мать не может физически.

– Ты ухаживаешь за ней?

– А что мне остается?

– Тяжело тебе...

– Нелегко. Но я справляюсь. И учусь воспринимать себя как полноценную личность. Вот только пока не очень хорошо получается.

Михась погладил Фаину по голове. Поверил!

Впрочем, рассказ был почти правдивым. То есть мать Фаи никогда свою дочь не любила, и она год назад перенесла инсульт, но девушка, если и переживала из-за этого, то в глубине души, а не напоказ. И работу она себя нашла бы получше. Вернее, хорошая работа у нее была еще два месяца назад. Но Фая ушла с нее, чтобы устроиться в «Млечный Путь», потому что...

У нее был план!

Михась не ошибся.

Только знать ему об этом не надо.

- Слушай, у нас место официантки освобождается... - начал он.

- Мне Ренат говорил, - перебила его Фая. Пора было заканчивать сцену и топтать по делам. Госпожа Эленберг наверняка уже нашла для специалиста по клинингу новое задание. - Но официант постоянно с людьми контактирует. И от того, как он это делает, зависит его квалификация и заработок.

- Не сможешь?

- Пока нет.

- Понимаю. Я, если ты в курсе, воевал. И меня товарищи бросили подыхать. Выжил чудом. Из-за серьезного ранения пришлось уйти из армии. Вроде зажило все. А я сидел дома. Не работал. Никого видеть не хотел - мне все подлецами и предателями казались. Даже в магазин спускался ночью, когда там покупателей мало...

Михась увидел в Фае сестру по несчастью, и своими откровениями, как он считал, помогал ей, на самом же деле себе. Ему хотелось выговориться. Но Фаина не дала ему такой возможности:

- Я пойду, хорошо? Мне еще надо намыть туалет босса. - Это она врала. На самом деле его Фаина убрала в первую очередь.

- Да, да, конечно, беги.

- Только ты, пожалуйста, никому о том, что я тебе... - И специально замялась. Пусть думает, что она смущена.

Михась жестом закрыл свой рот на воображаемый замок. Фая лучисто ему улыбнулась. Теперь они не просто в одном месте работают, а еще посвящены в

маленькие тайны друг друга. Это сближает. Только Фаина сомневалась в том, что Михась может ей пригодиться...

Хотя...

Прикидывая, как в случае чего использовать охранника Аверченко, Фаина направилась в соседний зал. Там могли уже что-то разлить, и, если она заметит это раньше официанток и администратора, ей же лучше. Если сейчас устранить беспорядок, то появится больше времени на ДЕЛО! А оно запланировано именно на сегодня.

Глава 6

«Ля»

Ляся...

Так ее называла мама.

Якобы Лариса сама придумала такое сокращение своему имени в полтора года.

И для друзей детства, а также родственников, она оставалась Лясей. Но коллеги, с которыми она явилась сегодня в караоке-клуб, понятия не имели об этом. Они называли ее Ларой, иногда добавляя «Крофт». То есть когда Ляся вырывала контракт у конкурентов, то превращалась в расхитительницу гробниц из голливудских блокбастеров. Ей даже на день рождения подарили плакат, на котором она была в обтягивающей черной маечке, грубых ботинках и с двумя кобурами на бедрах. Некоторые считали, что Лариса похожа на исполнительницу этой роли, Анджелину Джоли, но на самом деле между ними не было ничего общего.

Ляся походила на Сандру. Певицу. Она была мегапопулярна в конце восьмидесятых. Но сейчас ее помнили лишь те, кому под сорок и за, фанаты ретро – не в счет. Лариса знала о ней в свои тридцать лишь потому, что комната, в которой она росла, когда-то принадлежала брату матери, и он был большим

поклонником Сандры. По стенам помещения были расклеены плакаты со звездами. Кроме Сандры с плакатов смотрели и мужчины: Шварценеггер, Чак Норис и Жан Клод Вандам. Дядя мечтал стать крутым парнем. И, что естественно, в награду за это получить лучшую женщину. В его понимании, это была певица Сандра. Вот только мечты его не сбылись. Мамин брат, которого, несмотря на болячки, призвали в ряды Российской армии, попросился в Чечню, чтобы творить справедливость по примеру своих кумиров, а вернее, их персонажей, и погиб в первом же бою. Он никого не спас. Но в семье его почитали как героя. И комнату, в которой он жил, не тронули. Поэтому Ляся знала самых популярных в конце восьмидесятых звезд боевиков... и Сандру.

– Лара, этот твой... опять пришел! – услышала она заговорщицкий шепот своего коллеги Славика. Намекал он на охранника, что какое-то время назад не сводил с нее глаз.

Ляся закатила глаза. Теперь весь вечер ей предстоит выслушивать подколы Вячеслава. Он был зубоскалом. Не острословом или юмористом, а именно зубоскалом. Шутил часто, не всегда уместно, и не знал меры. В коллективе его за это не любили. Именно поэтому сейчас их всего трое, хотя могло бы быть больше. Но два человека передумали продолжать праздник – их отделение фирмы было признано лучшим среди двух десятков подобных по всей стране, за что сотрудников поощрили банкетом и премией, – из-за того, что в компании будет Славик.

– Петь будем? – спросил третий член их компании, Федор. Он был немного печален, потому что вместо стриптиз-бара, куда рвался Федор, они направились в караоке. Глубоко женатый мужчина, имеющий двоих отпрысков, редко куда-то выбирался, поэтому планировал оторваться по полной. Вот только его не поддержали! – Уж коль пришли в караоке-бар, надо же и попеть, не так ли?

– Я не умею, – призналась Ляся.

– Я тоже, – вздохнул он и повернулся к Славе. – А ты?

– И Славик не умеет, – за него ответила Лариса.

– Нет, почему же, – начал было протестовать Вячеслав.

- Люблю и умею – разные вещи. Я много раз слышала, как ты это делаешь...

- Я пою в душе, но с тобой я вроде бы его не принимал, – подмигнув ей, хихикнул Слава. – Или я чего-то не помню?

- Еще ты поешь, когда расчесываешься. – Пока Слава приводил в порядок свои красивые, но поредевшие на макушке волосы, он успевал исполнить первый куплет и припев какой-нибудь популярной композиции.

- А ведь точно, – восторженно воскликнул Федор. – Я слышал... И да! Ты, Слава, не умеешь петь.

- Да идите вы, – обиделся тот.

- Но давайте хоть рэп какой-нибудь прочитаем. Там же таланта не надо особого.

- Сейчас бы сюда Соломона Борисовича, – проговорила Ляся мечтательно. – Он бы порвал этот клуб.

- Да, Борисыч просто Паваротти, – согласился Федор. – Как он на юбилее фирмы сбацал, а?

- Что сбацал? – спросил Славик, устав дуться. Он работал в фирме всего одиннадцать месяцев, а ее юбилей состоялся полтора года назад.

- Спел на мотив «Памяти Карузо» песню о нашей фирме. Сам сочинил. Да прикольную такую...

- Борисыч бывает прикольным?

Ляся понимала удивление Славы. Директор их отделения всегда был строг, сдержан, не улыбочив, застегнут на все пуговицы, чисто выбрит, прилизан. Не человек – робот. Говорил мало и всегда по делу. Голоса не повышал, но иногда добавлял в него металла. Не проявлял слабостей, в том числе к людям. То есть любимчиков не имел. Хотя кто-то считал, что Лариса была из таких – ее поощряли чаще, чем остальных. Но она-то знала, все премии и повышения она заслужила, поскольку пахала как лошадь. За четыре года, что трудилась в

фирме, не завалила ни единого проекта, на работу выходила без дополнительной оплаты и в выходные, а из восьми отпусков, ей положенных, отгуляла лишь три.

– У Борисыча отличное чувство юмора, – сказал Федор. И попал в точку. Начальник иногда на планерках выдавал реплики в стиле доктора Хауса: едко-остроумные. – Но он не прикольный. Не шут. В отличие от некоторых... – И красноречиво посмотрел на Славу. Тот, однако, намека не понял и вынес предложение:

– Давайте вместо песен закажем кальян.

– Я – пас, – покачала головой Ляся. Она бросила курить три месяца назад и боялась сорваться.

– Лучше по текиле. А потом в стрип-бар, – оживился Федор.

– Вот тебя переключило! – возмутился Слава. – Да что там делать с нашими средствами?

– Так я и говорил, надо сразу идти, пока они имелись.

– Рано было! Программа начинается в полночь.

– Но есть такие бары, в которых девочки круглые сутки танцуют.

– Где ты такие видел?

– Наверное, в Таиланде, – усмехнулась Ляся, глотнув пива. Оно было здесь не лучшего качества и пилось без удовольствия. Да, пожалуй, нужно заказать текилы. А через часик – кофейку и по домам.

– В кино, – буркнул Федя. – Я был только в Турции и Египте. Потому что с семьей отдыхаю... – Он сумрачно посмотрел в свой стакан. Увы, он был пуст. – Выходные, праздники, отпуска... Всегда семьей! Вам не понять!

– Почему же? – резонно возразил Слава. – Мы тоже несвободны.

– У тебя всего один ребенок, зато куча нянек: мать, теща, бездетная тетка, твоя младшая сестра. У Лары вообще детей нет. Молодец, что не торопится с этим. Мы вот, дураки, одного за одним родили, когда нам двадцати пяти не было. А могли бы для себя пожить, как Лариса с мужем...

Ляся скупно улыбнулась.

Для всех она была замужней женщиной, чей супруг очень часто в разъездах. Рабочие командировки, что поделать! На деле же брак Ларисы давно стал лишь фикцией. Штамп в паспорте и ничего более. Хотя нет... Еще обязательные эсэмэс-сообщения в праздники – они обменивались ими вот уже два года. Новый год, Рождество, Пасха, Двадцать третье февраля, Восьмое марта и два дня рождения. Итого: семь сообщений с одной стороны, столько же с другой. Четырнадцать, умножить на два. Двадцать восемь. Ровное количество. То есть ни одно из посланий не осталось без ответа. И Лара, и ее муж были людьми культурными.

Они познакомились на дружеской вечеринке, когда оба были студентами последних курсов. Поженились спустя два года. Пять лет жили, наслаждаясь обществом друг друга, пока супруг не захотел прибавления в семье. Именно он первым заговорил о детях. Лара поддержала. Пожили для себя, хватит, пора и о потомстве подумать. И вот тут начались проблемы...

Забеременеть не получалось. Месяц, три, полгода. Хотя они старались – подгадывали под овуляцию. Ларисин супруг начал намекать, что неплохо бы ей провериться. Она так и сделала. Отправилась в клинику, сдала все анализы. Оказалось, все у Лары в норме. Доктор настоятельно рекомендовал отправить на обследование мужа. Мужчин с «ленивыми» сперматозоидами в современном мире становилось все больше. Многим помогала смена образа жизни и режима питания, если же нет, то несложная операция решала проблемы. Не всегда, но зачастую.

Однако, когда Лара заговорила об этом с мужем, он встал на дыбы. Образованный, мыслящий, спокойный, он мгновенно превратился в дикаря. Кричал, ругался, чуть ли не кулаками себя в грудь бил... как Кинг-Конг... я НОРМАЛЬНЫЙ! У меня все в порядке! Сперма у меня не ленивая!

И как-то все разладилось после этого. Нет, они не расстались. Продолжили вместе жить, заниматься сексом, но «детская» тема стала закрытой. А когда у Лары начинались критические дни, она не то чтобы чувствовала себя виноватой, скорее, смущенной.

А вскоре муж уехал в другой город. Он служил в органах, и, как говорил, его никто не спросил, хочет он или не хочет. Но Лара думала, что спросили. И он захотел.

Командировка планировалась как полугодовая, но спустя полгода муж не вернулся. Лара расстроилась, конечно, но не стала делать из этого трагедии. Они нечасто, но регулярно виделись, постоянно были на связи, в отпуск съездили вместе. Но чем больше проходило времени, тем реже случались встречи. Лара устроилась в фирму, где трудилась и по сей день, и стала делать карьеру, супруга повысили, и он тоже не мог, или не хотел, срываться с места лишний раз. Да и возвращение его было уже под большим вопросом...

А потом он нашел себе другую. Не просто с кем-то переспал или закрутил интрижку, такое наверняка случалось и раньше, ведь не монашествовал же он, здоровый, молодой, интересный, нет... Он влюбился. И у него ОТНОШЕНИЯ. Лара сначала почувствовала это, а уж потом начала находить доказательства. Да не специально. Муженек плохо заметал следы своего «преступления». Как будто хотел быть пойманным. Но Лариса тогда еще любила его и не готова была к расставанию. Надеялась, что он образумится. А если нет, честно и откровенно скажет, что встретил другую, и попросит развода.

Но он этого делать не спешил. Возможно, у него тоже оставались чувства к супруге. Или он, как большинство мужчин, опасался кардинальных перемен, как бы хуже не стало. А тут вроде и законная жена есть, и любовница. Разве плохо?

Первой сдалась Лариса. Когда муж приехал домой на два дня, но постоянно сидел на телефоне, потому что ему якобы могли позвонить со службы, она сказала:

– Так больше продолжаться не может, мы должны расстаться.

Он что-то лепетал в свое оправдание. Потом изобразил оскорбленную невинность и ушел, хлопнув дверью. Больше они не виделись!

Первые месяцы Лара ждала, что супруг свяжется с ней, чтобы обсудить развод. Но он молчал. Поздравительная эсэмэска по случаю дня рождения не в счет. Она ответила ему такой же через какое-то время. Получила «спасибо» и смайлик.

Прошел год, и ничего не изменилось. Лариса решила позвонить бывшему, она уже именно так его воспринимала, но к телефону подошла женщина.

РАЗЛУЧНИЦА? С ней говорить не хотелось. Лара бросила трубку. Ждала, что муж перезвонит, но он этого не сделал.

Конечно, она могла поехать к нему и поставить вопрос ребром, но...

Необходимости в разводе не было. Она ни с кем всерьез не встречалась, и штамп в паспорте ей не только не мешал, а скорее, помогал! К замужним женщинам больше доверия и, как ни странно, уважения. К тому же Лариса, выйдя замуж, сменила фамилию, и теперь, если разводиться, надо возвращать свою, глупо оставлять мужнину, когда нет детей, а это значит, придется менять документы.

И Ляся пустила все на самотек. Пусть идет так, как идет.

Положение соломенной вдовы ее давно перестало тяготить, и она ощущала себя вполне счастливым человеком. Хотя иногда накатывало, конечно...

Но с кем такого не бывает?

– Эй, гляньте, какое чудо явилось! – услышала Лариса хохот Славы и отогнала от себя так некстати накатившие воспоминания. – Просто звезда травести-шоу!

Лариса посмотрела в указанном коллегой направлении и увидела женщину. Да, она была похожа на чудо... чудо-юдо.

Высокая, крупная. На голове сложная укладка, на лице яркий макияж. Даже в полумраке видно, что кожа покрыта толстым слоем тонального крема, а возможно, грима. Одета в весьма странный комбинезон. На шее боа.

– Привет из прошлого, – хохотнул Федор. – У моей матери была пластинка группы «Баккара». Вот девочки на ее обложке выглядели примерно так.

– Там были девочки, – многозначительно хмыкнул Слава.

- Да, согласен, наша звезда постарше...

- Я не про то! Она - мужик!

- Чего? - Федор так удивился, что аж меню из рук выпустил. И оно шмякнулась на пол.

- Так я ж не зря про травести-шоу упомянул.

- Что это? - Федя поднял меню и тут же открыл его на странице с крепким алкоголем. - Я не знаю.

- Я бы тебе сказал, что «Тиффани» или «Альказар», но ты не был в Тае, только в Египте и Турции, поэтому про трансов не слышал наверняка. А вот про травести должен был, ты же мужик образованный.

- Упрощенно, это переодевание в лицо противоположного пола, - разъяснила Лариса. - Иногда в ребенка, но тут другой случай.

- То есть это... - Федор некультурно ткнул пальцем в женщину в боа. - Это переодетый мужик?

- Да, отвечаю, - безапелляционно заявил Слава. - Уж не знаю, деланный, не деланный... Но не стопроцентная баба точно.

- Ой, да брось. Вспомни Шуру.

Аргумент, мысленно усмехнулась Лариса. Так звали их завхоза. Проработала она в фирме недолго - полгода. Ушла, потому что узнала, что все считают ее мужиком, переодетым в бабу. Оскорбилась и написала заявление. Хотя могла бы с иронией отнестись к этому. Ну да, похожа она была на представителя сильного пола даже больше, чем некоторые представители! Плечи широкие, бедра узкие, груди нет. Черты лица крупные, между массивным носом и волевым ртом темные усы. Зато губы всегда в перламутре. И на мускулистых ногах туфельки на каблучке.

– Лар, а ты как считаешь? – обратился к ней Слава.

Она неопределенно пожала плечами.

Потом извинилась и вышла из зала. Но по пути все оборачивалась на «травести». Потому что узнала ее!

Глава 7

«Си»

Симону встретили как родную. Охранник – улыбкой, администратор Катюша обняла, обрадовавшись ее приходу, а официантка Айгюль, хоть и была занята, подбежала, чтобы поздороваться. Симона не заходила в любимый караоке-бар уже около месяца. Работа, будь она неладна, отнимала все время и силы.

Усевшись на диван, Симона стала ждать, когда ей принесут чайник масала-чая, который она попросила сразу как зашла в зал. Она была единственной, кого в «Млечный Путь» пускали, не потребовав депозита. Так, конечно же, было не всегда. Раньше Симона, как и остальные, платила. Но однажды, когда она исполняла «Бесаме мучо», в зал вошла крупная женщина с невероятно красивым лицом, присела у стойки, прослушала ее исполнение, а когда песня закончилась, дала какое-то распоряжение бармену. Оказалось, она просила передать администратору, чтоб Симону не останавливали на входе. Главное, чтоб приходила и пела...

Народу пока было немного. Но буквально через тридцать-сорок минут в этом зале не останется свободных столиков. И вот тогда Симона запое!

Она сидела в одной из четырех вип-лож. За ее спиной молодежная компания. Пили уже по третьему коктейлю, курили кальян. Судя по микрофонам, лежащим на столике, либо уже пели, либо готовились к этому.

«Бедняга Михась, – горько усмехнулась про себя Симона. – Опять будет страдать! Петь эта компания явно не умеет, а он так чувствителен к фальши...»

С охранником Аверченко у нее сложились забавные отношения. Они друг другу симпатизировали, но на расстоянии. За все время, что были знакомы, едва десятком слов перекинулись. Но когда кто-то начинал «лажать», исполняя ту или иную песню, они встречались глазами и друг друга подбадривали.

- Ваш чай, - услышала Симона голос официантки.

- Спасибо, - поблагодарила она девушку. Новенькая. Не очень уверенная в себе. И опыта мало. Такая здесь не задержится долго. - А можно мне микрофон?

- Да, конечно. Караоке-меню нужно?

- Нет, благодарю, я знаю, что буду петь.

Симона решила спеть прямо сейчас, потому что увидела Михася. Пусть парень порадует. Да и ей коктейльчик не помешает. Платить за бурду со льдом у нее рука не поднималась, но от бесплатной она не отказалась бы. Действие мартини прошло, и к Симоне сразу вернулось напряжение, что не оставляло ее последнее время.

Пока несли микрофон, она пила чай мелкими глотками. Ее увидел Михась и поприветствовал кивком головы. Симона отсалютовала ему чашкой. Допив чай, она стала оглядываться. Ее официантки нигде не было видно. Что ж, раз она запаздывает, можно сходить в уборную.

Оказавшись там, Симона первым делом подошла к зеркалу, чтобы проверить, не поплыл ли макияж, после чая она немного вспотела. Беспокоилась она не зря! Тональный собрался в носогубных складках, и это было отвратительно. Вытащив из клатча салфетку и мини-набор косметики, без которого Симона не выходила в свет, она стала приводить себя в порядок.

Тут дверь открылась, и в туалет просочилась барышня. Именно просочилась - она будто кралась. Темная челка до бровей, крупные миндалевидные глаза, широкий вздернутый нос, большой рот, ямочки...

Симона знала ее.

- Добрый вечер, - поздоровалась с ней девушка.

- Добрый, - откликнулась Симона, быстро убрав косметику. Она не могла краситься при посторонних.

- Соломон Борисович, в зале сидят наши, Федя со Славой, и, если вы не хотите, чтоб они вас узнали, вам лучше покинуть заведение.

- Милочка, вы меня приняли не за того человека...

- Нет, это вы, я же вижу. Обещаю, никому не скажу. Но за ребят не ручаюсь. Поэтому...

- Я знаю вас, вы Лариса. Фамилии, к сожалению, не помню.

На лице девушки проступила досада.

- А я хотела помочь вам, - проговорила она, покачав головой. - Ладно, Соломон Борисович, как знаете. До свидания. - И хотела уйти, но Симона ее остановила:

- Да постоит вы, дайте объяснить. - Лариса приостановилась и обернулась. - Вы меня перепутали с братом. Мы однояйцевые близнецы. Его зовут Соломон.

- А вас?

- Симона.

- Вы очень похожи.

- Естественно, мы же...

- Да, да, я поняла - близнецы.

- Однояйцевые, что бывает крайне редко, - уточнила Симона. - В детстве нас даже родители путали.

– У вас и лицо, и фигура... – Лариса была растерянна.

– Да, я мужиковата, знаю. Но еще три года назад была немного другой. И фигурка точеная, и кожа нежнее. Не могла забеременеть, начала пить гормоны и...

– И что, помогли гормоны?

– Увы, нет.

– Сочувствую. А откуда вы меня знаете?

– Я видела вас на фотографиях с юбилея фирмы. Соломон рассказал о некоторых подчиненных, в том числе о вас. Кстати, очень хвалил.

– Мы отлично с ним ладим.

– А это нелегко, ведь правда?

– Я бы не сказала. Трудно с самодурами, а нашего босса при всем желании так не назовешь.

Дверь вновь открылась. В туалет впорхнули две барышни из-за соседнего столика. Но они сразу направились к кабинкам, заняли две и принялись перекрикиваться, обсуждая очень важную для них тему – почему после трех коктейлей с «гринадином» моча не стала розовой.

– Я была рада познакомиться с вами, Симона, – проговорила Лариса. – Я вернусь к коллегам.

– Не говорите им, пожалуйста, о том, что здесь сестра их начальника.

– Не скажу, но... Вы уже привлекли их внимание.

– Я перейду в другой зал. – Симона ласково улыбнулась Ларисе. – И спасибо вам.

– Да, как оказывается, не за что, – смущенно проговорила она и покинула уборную.

А Симона отправилась в кабинку. Но лишь за тем, чтобы побыть одной. Она села на унитаз, достала антеникотиную жвачку и кинула ее в рот. Симона курила очень и очень давно. Начала в подростковом возрасте. Но бросила это дурное занятие легко. «Никоретте» она жевала не за тем, чтобы заглушить желание затянуться. Просто как-то по ошибке кинула ее в рот вместо «Орбита», поняла, что не то, хотела выплюнуть, но почувствовала успокоение. Как после столовой ложки настоя валерианы, к примеру. Вот только последнее время на Симону не действовали капли, только сильные таблетки, а от них она хуже соображала. Антеникотинная жвачка оказалась спасением.

– Эй, мадам! – услышала Симона девичий голос.

– Вы ко мне обращаетесь? – спросила она.

– Ага. Вы тут обронили кое-что.

Симона встала с унитаза и открыла дверь кабинки. Одна из девушек протягивала ей декоративную булавку, на которой были нанизаны бусины, имитирующие драгоценные камни. Пары бусинок не хватало.

– Это не мое, – сказала Симона.

– Тогда я оставлю, где нашла, – и девушка хотела бросить украшение в угол, но ее остановила подруга.

– Нет, давай администратору отдадим.

– Да больно надо, – фыркнула девица. – Тут пусть лежит. – И опустила булавку на бортик раковины.

После этого девушки ушли. А Симона, оставшись одна, закончила-таки восстановление своего макияжа. Затем вернулась в большой зал, попросила официантку перенести ее чай и микрофон в малый. Устроившись, Симона запела. Но не ту композицию, что планировала. Потому что исполняла ее не для Михася

или кого-то другого, а для себя.

Глава 8

«Соль»

Вот только не надо этого...

Не говорите, что фамилия характеризует меня.

Да, я Соль.

И что?

Едкий?

Меня бывает слишком много? И тогда непереносимо.

Я врежу здоровью...

Я белый яд?

Александр Соль не стыдился своей фамилии, но и не озвучивал ее без острой необходимости. Все прозвища были с ней связаны. Даже последнее – Текила. Потому что как-то они с друзьями пили этот напиток, но у них не было при себе соли и какой-то остролов предложил лизать Сашку. Утром мало кто из компании что помнил. Но кличка прилепилась к Александру надолго. Собственно, до сих пор он для всех оставался Текилой, хотя с той пьянки прошло года три.

В данный момент его представили по имени и фамилии генеральному директору караоке-клуба «Млечный Путь» Доре Эдуардовне Эленберг. И она посмотрела на него так, будто сейчас голосом Людмилы Гурченко проговорит: «Соль – это белый яд!» Он часто слышал эту фразу из фильма «Любовь и голуби». Особенно

от взрослых женщин. Или строчку из песни Добрынина «Не сыпь мне соль на рану...». Но Дора промолчала. Указала визитерам на кресла, приглашая присесть, а когда мужчины заняли свои места, она заговорила:

– Не думала, что так быстро найду покупателей на свой клуб. Сейчас кризис, денег ни у кого нет.

– А вы рады этому или нет? – спросил Саша.

– Кризису?

– Тому, что покупатели нашлись так скоро?

– Конечно, рада. Только то, что вы проявили интерес, еще ничего не значит. Я абы кому свое детище не продам.

– Я не абы кто, – спокойно возразил Александр, опередив своего спутника, адвоката Сулейманова. Именно он сегодня представлял его интересы. – У меня легальный, весьма успешный бизнес...

– Я все знаю, – перебила его госпожа Эленберг. – Изучила вашу биографию, навела о вас справки, пробила ваши связи...

– Ничем себя не запятнал?

– Нет, поэтому и согласилась на встречу.

– Что же вас смущает?

– Пока ничего.

– Тогда, может, обсудим условия?

– Рано.

Соль тяжело вздохнул. Он не любил вести деловые переговоры с женщинами. Слишком уж представительницы слабого пола зависимы от гормонов. То у них ПМС, то беременность, то климакс... И это не говоря уже о сексуальной неудовлетворенности. Она если не на гормональный фон, то на настроение очень влияет. С Дорой Эдуардовной Эленберг он не хотел встречаться, думал поручить переговоры Сулейманову, но она настояла. Пришлось тащиться в «Млечный Путь» и сидеть теперь перед ней с видом смиренного ученика.

- А давайте выпьем? - предложил вдруг он.

Эленберг улыбнулась глазами и спросила:

- Что предпочитаете?

- Водку.

- Какую именно?

- Да, по мне, главное, чтоб ледяная. Я редко пью. И не разбираюсь в алкоголе. Водка мне кажется самым безобидным продуктом. Она чистая: навязчиво не пахнет, не имеет послевкусия, не тяжелая, как, например, ликер, а еще, как говорят, в малых дозах полезная.

- Врут.

- Возможно, - пожал плечами Саша.

Дора Эдуардовна вызвала секретаря и велела ему принести из бара водки, обязательно ледяной и что-нибудь легкое на закуску. И быстро, быстро! Паренек унесся. Похоже, Дора тут не просто босс... Императрица самодержавная.

Пока секретарь бегал за выпивкой и закуской, владычица «Млечного Пути» говорила о погоде. Сулейманов тему поддерживал. Александр же больше помалкивал, лишь иногда вставляя междометия. Дора Александровна нервничала. Но пыталась это скрыть. Не привыкла демонстрировать людям свои слабости. Особенно тем, с кем намеревалась заключить сделку. Опасалась, что Соль уронит ее цену. Но он не собирался, потому что цена была адекватной. Да,

он поторгуется, он же бизнесмен, но, если Дора не уступит, все равно приобретет клуб. Он давно хотел иметь это заведение! Именно его! А не похожий караоке-клуб.

И вот об этом госпоже Эленберг знать необязательно.

Хотя... Возможно, она уже догадалась.

Вернулся секретарь. Принес запотевшую бутылку «Финляндии», стопочки, плоску оливок, тонко порезанный лимончик на блюде и большую плоскую тарелку с канапе. Поставил поднос со всем этим на низкий столик, вопросительно посмотрел на начальницу. Та кивнула. Парень быстро разлил водку по стопкам.

«Вот это дрессировка, – восхитился Саша. – Не то что с полуслова, с одного взгляда помощник свою начальницу понимает».

– Если желаете горячего, я сейчас схожу на кухню, попрошу, чтобы приготовили, – проговорил секретарь ровным голосом. Он не дрожал перед Дорой, Соль только сейчас это до конца понял.

– Желаете? – обратилась к гостям Дора.

– Нет, спасибо.

– Иди, Ренат, если что-то понадобится, я позову.

Когда молодой человек скрылся за дверью, Дора взяла свою стопку и провозгласила тост:

– За понимание!

– О, это из «Особенностей национальной охоты»? – встрепенулся Сулейманов.

– Или «Рыбалки». Другие я не смотрела.

А Саша удивился, что Дора эти фильмы видела. Он думал, она только эстетское кино смотрит. Да еще жесткое порно.

Чокнувшись, они выпили.

Александр взял дольку лимона и закинул ее в рот. Хорошо, что сахар, посыпанный на нее, еще не успел впитаться. Когда он ощущал на языке сначала сладость, потом кислоту, это было похоже на контрастный душ, к которому Соль долго приучал себя в детстве, но теперь, уже будучи взрослым мужчиной тридцати пяти лет, питал большую слабость.

– А теперь мы можем обсудить сделку? – закусив канапе с лососем, спросил Сулейманов.

«Поторопился», – подумал Саша. И не ошибся.

– Рано, – проговорила Дора. Она посасывала оливку, и слово прозвучало не очень разборчиво.

– Тогда еще по одной?

Она кивнула.

– Опять будете Рената звать? Или я могу налить?

– Лейте.

Соль наполнил стопки.

– С вас тост, – сказала Дора, взяв свою.

– За вас!

– Милых дам? – Она криво усмехнулась, став похожей на изломанную куклу из детского театра. – И меня – единственную представительницу слабого пола?

- Нет, конкретно за вас, Дора Эдуардовна. Как за индивидуума.

- Если бы я не была уверена в том, что вы не пили до того, как явились...

- Я вы уверены?

- Да, от вас не пахло. У меня нюх как у собаки.

- А глаз как у орла? - пропел Саша, вспомнив песню гениального сыщика из мультика.

- Глаза, увы, начали подводить. - Она отсалютовала Александру. - За меня так за меня... - И опрокинула в себя стопку.

Соль отпил половину. Сулейманов же только сделал вид, что делает глоток. Он пил еще реже, чем Александр, но, если дело требовало, мог пропустить стопку, а вторую «греть» часа два.

- Что вы собираетесь сделать с моим клубом после того, как он станет вашим? - спросила Дора, взяв канапе. Ела она его странно. Сначала зубами сняла с палочки оливку, затем пальцами кусочек гренки, но его отложила, сжевала следующий слой - сыр, бекон тоже в сторону, огурчик в рот. Заметив, что Саша наблюдает за ней, проговорила:

- Вся моя жизнь - борьба с лишним весом. То нельзя, это... - Она решительно взяла вторую шпажку, уже с лососем, мягкой булочкой и творожным сыром с зеленью, и целиком отправила в рот. - Но теперь уже ни к чему... - Лицо ее напряглось, но лишь на долю секунды. Дора растянула губы в улыбке и, прожевав канапе, добавила: - А я все забываю!

- И правильно, у вас изумительные формы, - выпалил Сулейманов. Он питал слабость к пышным женщинам. Сам он был худой, высокий, сутуловатый, с залысинами. Носил костюмы не по размеру большие, но при этом был трижды женат, и всегда бросал он, а не его. Все его избранницы были очаровательными пампушками, и каждая желала вернуть своего Артурчика. Но он искал четвертую «жертву».

Госпожа Эленберг рассмеялась, но благодушно. Комплимент приняла.

– Я не хочу ничего тут менять, – проговорил Александр. – Даже название оставлю. Мне нравится оно.

– Но это же не ваш профиль.

Тут она попала в точку. Александр на паях с другом Борькой Бородиным владел сетью недорогих закусочных «Хлеб и Соль». И работали их скромные заведения аж в пятнадцати городах области. Еще у них в собственности имелось несколько заводиков, на которых производились мучные изделия, расфасовывались крупы, варился квас. Все недорогое, но пользующееся стабильным спросом.

– Я хочу купить «Млечный Путь» лично для себя.

– В машинки уже наигрался, малыш?

– Точно, – хохотнул Саша. Он два года владел автосалоном, но продал его. Наигрался, как правильно заметила Дора.

– Так и песенки тебе надоедят вскоре.

– Не исключаю этого. Но пока у меня есть запал. И я куплю себе караоке-клуб. Не ваш, так другой. Сейчас, как вы правильно заметили, кризис. И выбор у меня есть.

Тут решил подключиться Сулейманов:

– Завтра, если сегодня не сговоримся, пойдем посмотреть два других клуба. Один, правда, иной направленности, и придется вложиться в переоборудование, зато в отличном месте и площадь больше, чем ваша.

Он обманывал. Никаких других встреч Соль не назначал. Ему нужен был «Млечный Путь». Только он!

Пока адвокат говорил, госпожа Эленберг не сводила глаз с потенциального покупателя. Сканировала его лицо. Но Александр научился хорошо владеть

собой еще в юном возрасте.

– Вы мне нравитесь, господин Соль, – проговорила Дора, переместив взгляд на тарелку с канапе. Несколько секунд она выбирала, какое взять, и остановилась на сырном.

– Взаимно.

И он не врал. Она действительно была ему симпатична.

Быстро расправившись с сырным канапе, Эленберг взяла фруктовое: виноградины, кусочки киви, персика, груши.

– Мне нужно подумать.

– Как долго?

– Час, два. Пока вы можете прекрасно провести время в одном из залов моего заведения в качестве гостей.

– Мы с удовольствием.

– Вот и отлично. Мой секретарь сопровождает вас, я позову его. – И, нажав кнопку селектора, распорядилась: – Ренат, зайди.

Через несколько секунд парень возник на пороге кабинета. Ему объяснили, что нужно сделать, и Соль с Сулеймановым проследовали за секретарем директора в большой зал «Млечного Пути».

Саша был в клубе лишь раз, но хорошо помнил, что имеются еще два: малый и... «терракотовый». В последний можно было попасть только по предварительной записи. Когда Соль с компанией завалился в «Млечный Путь» в прошлый раз, то рвался туда. Его не пустили. Сказали, закрытая вечеринка. Теперь он думал, что ввали.

– Где бы вы хотели расположиться? – спросил у Александра Ренат.

- А можно в «терракотовом» зале?

- Увы, нет.

- Но там же никого сейчас.

- Да, но...

- Тогда в чем проблема?

- Туда можно попасть только по предварительной записи.

- Почему?

- Не могу сказать. Таково распоряжение руководства.

- Сходите, спросите у него, в таком случае.

- Я позвоню.

Он отошел и вскоре вернулся.

- «Терракотовый» зал не готов к приему гостей, - со вздохом протянул Ренат. - Дора Эдуардовна не может позволить своим гостям сидеть в пыльном, непроветренном помещении.

- Кто бы сомневался, - фыркнул Саша. - А вы сами, Ренат, там были?

- Да, конечно.

- И что в нем такого особенного?

- По мне, так обычный банкетный зал. Не самый красивый и просторный. Дизайн необычный, да, но в городе столько мест, где значительно интереснее. Уж я-то знаю...

Тут Ренат понял, что разболтался, и захлопнул рот. Саше даже показалось, что он услышал, как клацнули его зубы.

– Мы останемся в главном зале, – сжалился над парнем Александр.

– Отлично. Тогда прошу сюда, – Ренат провел их к единственной пустующей вип-ложе. Народу собралось уже прилично, хотя время только близилось к полуночи.

Пока шли, Ренату махали и что-то кричали парень и девушка, сидящие за столиком той же категории, к которому направлялись они, но парень делал вид, что не слышит их и не видит...

Но слышал и видел!

Когда гости уселись, Ренат сделал знак официанту. И пока они делали заказ, стоял рядом, контролировал.

Сулейманов пожелал выпить зеленого чая и покурить кальян, а Саша решил взять еще водочки. Буквально сто граммов. И поесть горячего. В меню нашел мраморную телятину с трюфелями и решил отведать. Ясно, что принесут говядину с шампиньонами, но это тоже вкусно.

– Петь будете? – поинтересовался Ренат.

Соль, несмотря на свою музыкальную фамилию, ведь она еще и ноту обозначала, ни слуха, ни голоса не имел. Но послушать, как исполняют песни те, кого бог одарил и тем и другим, был не прочь. Поэтому кивнул. Знал, Сулейманов прекрасный вокалист.

Вскоре на столике появился чайник, чашки, сахарница, плошка с цукатами, запотевший графинчик водки, стопки, каперсы, в каждом из которых торчала зубочистка, фруктовая нарезка, хлебные палочки. Гостей «императрицы» встречали радушно. Можно сказать, с хлебом и солью, усмехнулся про себя Александр.

Выпив водки и закусив каперсом, он откинулся на спинку и на мгновение закрыл глаза.

Он устал...

Так устал, что казалось, еще немного, и он развалится на части. Как какой-нибудь старый, обветшалый сарай. Покачнется, накренится, рухнет и... Развалится!

Александр Соль жил на износ: учился, трудился, дружил, любил, отдаваясь этому без остатка. Он с красным дипломом окончил университет, добился успехов в бизнесе, имел несколько «корешей», которые и поддержат, если надо, и разделят радость, и «братана» Бородина – он почку отдаст, коль потребуется. То есть усилия, прилагаемые Сашей, окупались, и материально, и морально... Вот только не все! Как бы он ни старался во имя любви, никакой отдачи не получал. Бородин, с которым Саша познакомился на первом курсе института, очень по этому поводу возмущался. Говорил, а вернее, кричал, что Соль специально выбирает не тех женщин, как будто подсознательно желает страдать. Одни его отношения с первой красавицей универа Аллой чего стоили!

Девка оторви и брось. Пьющая, курящая, гуляющая. Но лицо ангела, а тело блудницы. Всех парней она сводила с ума телом. А Сашку Соль свела с ума лицом. Поэтому и полюбил он ее... как ангела.

Алла изменяла ему направо и налево, а он за нее писал курсовые. Она забеременела от другого, но Сашке сказала, что от него, и он, как честный человек, позвал ее замуж. Она обещала выйти за него, но за две недели до свадьбы умотала со своим сокурсником Аликом Агонесяном в Адлер, сделав до этого аборт.

Вернулась к началу учебы. Причем отдельно от Алика – он перевелся в сочинское отделение. Загорелая, округлившаяся, от чего еще более сексуальная, и очень довольная. Саша готов был простить сбежавшую невесту, но та рассмеялась в ответ на его предложение начать все с начала. Но и другим парням от ворот поворот дала. А спустя три месяца улетела в Адлер выходить замуж за отца Алика, который ради Алки с супругой развелся.

Следующей любовью Саши стала замужняя женщина с двумя детьми, сыновьями-погодками. Супруг ее был пьяницей и тунеядцем, и она все собиралась от него уйти к своему, так сказать, партнеру по адольтеру, но тянула с этим и тянула. Если бы Саша тогда был обеспечен, выбор женщина

сделала бы быстрее, но молодой человек только окончил университет и зарабатывал сущие копейки. Но зарабатывал! И не пил. А его дама сердца все равно не спешила бросать законного супруга. Когда же Соль поставил вопрос ребром, она пожала плечами и проговорила:

- Что ж, раз ты настаиваешь... Мы расстаемся.

- Как это? - опешил Саша. Не такого ответа он ожидал.

- Ну, коль ты не хочешь оставить все как есть...

- Я не понимаю, как этого можешь хотеть ты?! Твой муж ничтожество...

- Не смей так говорить, - рявкнула она. - Он отец моих детей.

- Никудашный, как ты говорила.

- Но родной. И мальчишкам будет лучше с ним... Чем с чужим дяденькой.

- Хочешь сказать, ты остаешься с супругом из-за детей? Приносишь себя в жертву? Или же ты никогда и не собиралась уходить от мужа? Тебе просто нужен был любовник, с которым бы ты сексуально отрывалась и душевно отдыхала?

Подумав немного, она ответила:

- Его я ЕЩЕ люблю. А тебя ВСЕ ЕЩЕ нет. Я надеялась на другой результат, только чуда не произошло. Поэтому я остаюсь с ним.

И, собрав вещи: зубную щетку, жидкость для снятия макияжа и тапочки, женщина покинула съемную квартиру Александра.

Больше они не виделись.

После расставания Саша долго в себя приходил, года полтора. Романов не заводил. А когда становилось совсем невмоготу, обращался к услугам девочек

по вызову. Неудивительно, что следующей его избранницей стала одна из них. Соль забрал девушку с панели, поселил у себя, на работу пристроил. Не бог весть на какую, конечно, у нее ни прописки, ни образования не оказалось, но свою копеечку в диспетчерской службе такси она имела. Вот только всего ей мало было – и денег, и мужского внимания, и, возможно, секса. Соль вкалывал на двух работах, домой приползал, и избранница Александра начала погуливать. Сначала просто с таксистами «зажигала», потом через них клиентов себе подыскивала. В итоге заразила гражданского мужа срамной болезнью. Тогда-то все и вскрылось.

Таких фатальных ошибок Александр Соль больше не совершал. Выбирал женщин порядочных и свободных, да все равно не тех. Поэтому до сих пор ходил в холостяках.

...Саша открыл глаза, встряхнулся. Не время раскисать. Сейчас перед ним цель особой важности. И как только он ее достигнет, отдохнет. Возьмет двух супердевочек из эскорт-услуг и улетит на две недели на какие-нибудь далекие острова: Мальдивы, Сейшелы, Галапагосы. Будет купаться, загорать, пить коктейли, заниматься сексом и ни о чем не думать. Впрочем, его лучший друг и партнер по бизнесу Бородин был уверен, что Сашка через пять дней, максимум через неделю, заскучает и вернется домой, к привычному образу жизни – стрессу, движению, борьбе. Но Соль в себя верил!

Он выпил еще водки. И решил, что с него хватит.

– Александр Иванович, слышите? – обратился к нему Сулейманов.

– Как «золотые детки» поют? – переспросил Соль. Развеселая молодежная компания горланила «За тебя калым отдам, душу дьяволу продам!». А начинала наверняка с чего-нибудь модного.

– Нет, не они. – И указал на дверь в малый зал. Она только что захлопнулась за официанткой, которая понесла туда коктейль. – Там кто-то изумительно исполняет вашу любимую песню.

– «Три белых коня»? – встрепнулся Соль.

Сулейманов кивнул.

Фильм «Чародеи» в личном рейтинге Александра стоял на первом месте. А исполнительница роли сестренки главного героя была его первой любовью. Песню про декабрь, январь и февраль он выделил потому, что ее исполняла, вернее, делала вид, что исполняла, эта героиня. Потом оказалось, что Лариса Долина. Но когда Саша слышал «Три белых коня», представлял себе девичью мордашку: пухлые, покрасневшие от мороза щечки, светлые реснички, открытую улыбку. И как будто попадал в детство!

– Хочу оценить, – сказал он, встав из-за стола. Сулейманов следом. И мужчины прошли в малый зал.

Там был всего один посетитель. Женщина. Она сидела на диванчике с микрофоном в руке и пела любимую Сашину песню. Сулейманов не обманул, пела она изумительно.

Соль поаплодировал женщине, когда она закончила исполнение. Та с достоинством склонила голову, благодаря его.

– Тут цветочницы по залам ходят, не заметил? – спросил Саша у Сулейманова.

– Не заметил, но наверняка ходят. Они везде сейчас.

– Хочу послать женщине розы.

Сулейманов удивился, но постарался это скрыть. Будь на его месте Бородин, тот бы решил, что Саша опять увлекся неподходящей дамой. И, в принципе, не ошибся бы. Потому что Саша Соль проникся в сладкоголосой женщине мгновенной симпатией.

Глава 9

«Ми»

Народ все прибывал. Вот уже и малый зал битком. Администратор Катюша, вся взмыленная, с выбившимися из пучка на затылке локонами, подбежала к Михасю и выпалила:

- Мы не справляемся с потоком.

- Это же не первый раз, Кать, - пожал плечами Михась. - Иногда приходится отказывать потенциальным клиентам.

- Да, но у нас есть третий зал, который пустует. Почему не открыть его? Мы могли бы разместить еще тридцать человек.

- Это не ко мне.

- Знаю. Поэтому я ищу Рената.

- Тебе к боссу надо.

- Надо, - согласилась она. - Но я боюсь вот так взять и завалиться к ней... - Катюша вытерла вспотевший лоб тыльной стороной ладони. - Пришла, но в приемной секретаря нет, я потопталась у двери в кабинет Доры, но так и не решилась постучать.

- Я давно Рената не видел. Может, он домой уехал?

- Нет, его сумка на столе.

- Хорошо, я поищу его. А ты иди на свой пост.

- Может, ты с Дорой поговоришь?

- Я тут охранник, Кать. Мое дело следить за порядком.

- Я понимаю, но... - «Ты ее любимчик», прочел Михась между строк. - Но ты смелый, не то что я.

– Да перестань.

– Сегодня мы могли бы такую выручку сделать! Народ так и прет. А скоро конец квартала, раздача премий...

И Аверченко сдался.

– Хорошо, я схожу.

Катя подпрыгнула и чмокнула Михася в щеку. Она была маленькой, худенькой, хорошенькой до невероятности и выглядела как студентка. На самом же деле ей было под тридцать, и она имела восьмилетнюю дочь.

Аверченко, прежде чем отправиться к Эленберг, прошелся по залам, посмотрел, все ли в порядке. Но сегодня в заведении было на удивление спокойно. Уж не из-за Симоны ли?

Михась не раз замечал, что, когда эта дама является в «Млечный Путь», в клубе устанавливается особенная атмосфера. Он глянул на ее столик, увидел корзину с цветами. Но самой Симоны не было. Что неудивительно – она часто удалялась в уборную, чтобы подправить макияж.

Обойдя, точно Мороз-воевода, владенья свои (Аверченко с этим стихотворением Некрасова во втором классе на конкурсе чтецов первое место занял и до сих пор его помнил), Михась направился в сторону кабинета госпожи Эленберг. Он находился в отдельном крыле. А точнее, крылышке. Здание, в котором располагался «Млечный Путь», было старинным. Конца девятнадцатого века, кажется. Такой миленький особнячок с флигелем. Вот как раз во флигеле Дора Эдуардовна и оборудовала для себя кабинет.

Приемная до сих пор пустовала. Михась подошел к двери в кабинет, только собрался стукнуть костяшкой пальца, как она распахнулась...

Из кабинета вылетела уборщица Фаина. Халат мокрый, будто в лужу упала.

А на резиновых перчатках красные пятна...

Кровь?

Кровь, тут же ответил на свой внутренний вопрос Михась.

Красная капля стекла с указательного пальца и упала на пол. Консистенция, цвет...

Вот только нет привычного запаха. Он, бывший солдат, знает, как пахнет кровь.

- Это что? - спросил Михась.

- Варенье. Вишневое. Я уронила вазочку... И ведро опрокинула. А еще сама упала... - И Фая запищала тоненько: - Мамочки...

- Это не страшно, - попытался утешить ее Михась. - Дора тебя за это не убьет и, скорее всего, не уволит. Приберись поскорее, пока ее в кабинете нет.

- Она там! Лежит...

- Спит?

Уборщица, или как принято было ее называть в их заведении, специалист по клинингу, часто-часто замотала головой.

- Ей плохо?

Истерический смех и вопль:

- Я не знаю!

- Тшшш, - успокаивал Фаю Михась.

- Наверное, она уже в аду и тогда... Да!

- Дора мертва?

– Сам посмотри...

Аверченко опустил Фаину на кресло и шагнул к двери.

Кабинет госпожи Эленберг был декорирован в стиле ретро. Массивная мебель натурального дерева, картины в золоченых рамах, фарфоровые вазы, а на полу ковер. Как поговаривали, старинный. Стоящий каких-то сумасшедших денег. Он Доре достался в наследство от покойных родителей. Как и стол с инкрустацией, и этажерка с книгами, и сами книги. Но поскольку на работе Дора проводила большую часть времени, любимые ею вещи перекочевали из квартиры, тоже весьма недурственной, в кабинет.

Михасю нравилась мебель в кабинете начальницы. А вот ковер вызывал недоумение. Зачем он в помещении, где все ходят в обуви? Вытирается же. И пачкается.

В данный момент он совершенно точно был заляпан...

Вареньем, так похожим цветом на кровь!

Сама Дора полулежала в кресле. Голова запрокинута. Глаза смотрят в потолок.

Гладкая шея в синяках.

Госпожу Эленберг задушили!

Михась это сразу понял, поднял трубку телефона и набрал «02».

Часть вторая

«Импровизация»

Глава 1

«Соль»

Саша водил подушечками указательных пальцев от висков к середине лба и обратно. Давным-давно в каком-то сомнительном журнале о здоровье он вычитал, что это снимает головные боли, которые частенько его терзали. Попробовал, и помогло. Хотя, когда он рассказал об этом специалисту по акупунктуре, тот возмутился. Мол, если бы все было так просто, любой дурак мог бы заниматься точечным массажем. А это – целая наука! И хотел записать Александра к себе на мастер-классы, но Саша отказался. Ему и «дурацкий» способ помогал.

– Господин Соль, пройдемте со мной, – услышал Саша и поднял голову. Перед ним стоял молодой человек в полицейской форме. В клубе находилось много представителей закона, одни осматривали место преступления, другие опрашивали свидетелей, третьи следили за тем, чтоб никто не покинул здание до того, как даст показания.

Основную массу посетителей «Млечного Пути» уже отпустили. Осталось человек шесть, в число которых входил Соль. Что неудивительно, ведь он был не просто человеком с улицы, а потенциальным покупателем клуба. Об этом представителям следствия наверняка сообщил секретарь Доры Ренат.

Саша встал и последовал за полицейским. Голова все еще болела, но уже не так сильно. Остатки боли мог снять аспирин, вот только вряд ли он получит его сейчас, даже если попросит.

– А мы куда? – поинтересовался Саша у своего провожатого.

– В «терракотовый» зал, – ответил полицейский охотно. – Пришлось дверь взломать, потому что ключей не нашли, а свободных помещений для допросов не хватает.

– Прямо пещера Аладдина.

– Не говорите. Оказывается, покойная хозяйка этот зал только лично отпирала и запирала. И я бы понял, будь там антикварная мебель или произведения искусства, как в ее кабинете, но ведь обычное помещение...

С этими словами он толкнул двери, что вели в зал, и пригласил Сашу войти.

Соль переступил порог, огляделся.

Он ожидал другого! Совсем...

Думал, здесь все в красно-коричневой гамме, ведь зал называется «терракотовым». Но ничего подобного!

Да, эти цвета присутствовали, но фрагментарно. Пол был черным, стены синими, потолок дымчато-серым.

– Не самое удачное оформление банкетного зала, не правда ли? – услышал Саша глубокий бас.

Соль кивнул. Да уж! Не самое...

Мебель, как и пол, черная. Видимо, дизайнер хотел, чтоб казалось, будто она вырастает из «земли». В потолок вмонтировано множество лампочек разного калибра. И если они символизировали мириады звезд, то Саша оказался сейчас на какой-то неизведанной планете. Причем прошедшей через апокалипсис.

– Я как-то был в похожем помещении, – сказал Соль, пройдя к столу, за которым сидел очень крупный мужчина с копной седых волос. – Но то был какой-то кафешоп[1 - Публичное заведение, имеющее разрешение на продажу легких наркотиков.] в Амстердаме.

– Я бы назвал этот зал «готическим», но никак не «терракотовым».

– Ой, а я понял! – воскликнул Соль. – Видите котов? – Он указал на пару напольных светильников в виде сидящих сфинксов. – Терра ведь земля полатыни? И это земля котов. Терракотовый зал.

– Тот, кто это придумал, точно посещал кафешопы Амстердама.
Присаживайтесь. – Басовитый указал на стул. – Я старший уполномоченный Бах.

– Бах? – переспросил Саша.

– Да, я ваш брат по несчастью... Или счастью, это с какой стороны посмотреть. В общем, мы оба, господин Соль, обладатели незаурядных фамилий.

– А зовут вас...

– Андрей Григорьевич.

– Очень приятно.

Опер хмыкнул. Он был еще молод, пожалуй, ровесник Саши, возможно, постарше на два-три года. Но волосы, как у Гендельфа из «Властелина колец», ставшего белым колдуном. Снежные просто-таки. А глаза темные, живые. И лицо гладкое. Одет полицейский был очень хорошо. Брюки Саша не рассмотрел, но рубашка и ботинки приличные. И то и другое итальянское. А часы, обхватывающие запястье, швейцарские. Не самой крутой марки, но очень достойные. Соль не ожидал увидеть перед собой такого «тюнингованного» опера.

– Скажите, Александр Иванович, что вас привело сегодня в «Млечный Путь»? – начал задавать вопросы Бах.

– Вы же сами знаете.

– Нет, не знаю. – И взгляд такой непроницаемый, что не поймешь, правду говорит или лукавит.

– Тогда почему мурыжили меня так долго, хотя другие посетители клуба уже по домам разъехались?

– Вы гость госпожи Эленберг.

– То есть о том, что я хотел купить клуб, вы не в курсе?

– Нет. Секретарь покойной сказал, что у вас была деловая встреча с начальницей, но по какому вопросу, он не в курсе.

«Черт!» – Ругнулся про себя Соль.

Сам себя и вложил!

Но с другой стороны, полицейские наверняка раскопали бы эту подробность рано или поздно, и тогда ему же хуже было бы.

– Дора Эдуардовна искала покупателей на свой клуб, и я изъявил желание его приобрести. Мы с моим адвокатом Сулеймановым... Кстати, где он?

– Беседует с моим коллегой.

– Разделили нас? Умно. Так вот, мы с ним явились, чтобы обсудить детали предполагаемой сделки.

– И что же?

– Госпожа Эленберг провела со мной беседу, похожую на ту, что мы с вами ведем сейчас...

– Вы что имеете в виду?

– Она меня прощупывала. Задавала каверзные вопросы, следила за реакцией и так далее... – Саша огляделся. – А водички поблизости нет? Пить очень хочется.

Бах вынул из-под стола запечатанную бутылку минеральной воды и протянул Саше.

– Спасибо, – поблагодарил тот. – А таблеточки от головы не найдется?

– Увы, нет.

– Жаль. – Соль открутил крышку и с наслаждением стал пить. Газированная, он не любил такую, но сейчас готов был и к крану в туалете припасть. Повар заведения был явно в кого-то влюблен – пищу пересолил, и теперь Александра мучила жажда.

– Так что сделала госпожа Эленберг, прощупав вас?

– Попросила на размышление два часа, по истечении которых обещала дать мне ответ.

– Вы на какой рассчитывали?

– На положительный.

– А если бы получили отрицательный?

– Расстроился бы немного, конечно, мне заведение нравится, я хочу его приобрести, но на нет и суда нет.

– И не стали бы давить?

– Разве что поднял бы немного цену.

– Или пригрозили?

– Андрей Григорьевич, я вас умоляю. Я солидный бизнесмен. Закон не нарушаю. Даже десять лет назад, когда мы только начинали с партнером дело, никаких рейдерских атак на предприятия не устраивали. Ничего не захватывали. Никому не грозили. Все производства были куплены по-честному. А тут – какой-то клуб, пусть и популярный. – Саша допил воду, но жажда не прошла. Сейчас бы ее утолить кваском домашним. Кисленьким, ядреным. – И потом, от смерти госпожи Эленберг я только проигрываю. Теперь я не смогу заполучить клуб как минимум полгода. Кстати, еще не выяснили, кто наследник?

Бах пропустил вопрос мимо ушей и задал свой:

– Как давно вы знакомы с госпожой Эленберг?

- Часа четыре или чуть больше.

- То есть до сегодняшнего дня...

- Не имел чести.

- Но в «Млечном Пути» бывали?

Ага, кто-то узнал и доложил!

- Да, один раз. Тогда-то и проникся симпатией к этому месту.

- Как Эленберг себя вела во время встречи?

- Мне трудно судить, ведь я не знаю, какая она обычно.

Тут дверь распахнулась, и в зал ввалился полицейский в форме. Но не тот, что сопровождал Сашу. У этого лицо было злое и красное. Соль сказал бы, что мужчина страдает алкогольной зависимостью, и сейчас мечтает только о том, чтобы освободиться от служебных обязанностей и принять на грудь.

- Товарищ майор, - проорал он, найдя взглядом Баха. - Мною подозрительная личность задержана! Привел к вам.

- Что в этой личности подозрительного? - пробасил товарищ майор.

- Пыталась покинуть клуб через пожарный выход. Иначе говоря, скрыться с места преступления. Документов при себе не имеет. Со мной разговаривать не хочет. Может, вы с ней общий язык найдете.

Он втолкнул в зал женщину, которую Саша узнал. Это была та самая женщина, которой он послал цветы. Сладкоголосая исполнительница его любимой песни. Симона.

- Если на моем теле осталась хоть одна отметина в виде синяка, я вас засужу за грубое обращение и превышение полномочий, - прорычала она в сторону своего

конвоира.

Тот только закатил глаза.

- Здравствуйте, - поприветствовал даму Бах.

- Хотела бы я вам сказать «доброй ночи», но, увы...

- Не могли бы вы представиться?

- Симона Борисовна Беркович.

- А я Бах Андрей Григорьевич.

- Я все равно не запомню, - отмахнулась Симона. - Почему меня не отпускают домой, как всех остальных посетителей?

- Как видите, не всех, - Бах указал на Александра. - Вы присаживайтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Публичное заведение, имеющее разрешение на продажу легких наркотиков.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/olga-volodarskaya/piknik-na-mlechnom-puti-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)